

АЛЕКСАНДР ХАХУЛИН

МАТЬ

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Александр Хахулин

М А Т Ь

невыдуманная история

А. Хахулин

Фото с портрета работы художника Карапета Саносяна.

АЛЕКСАНДР ХАХУЛИН

МАТЬ

невыдуманная история

Нью-Йорк, 1989

Alexander Chachulin

MAT' (Mother) - in Russian

Library of Congress Catalog Card Number: 89-083898

ISBN: 0-911971-46-7

© *by author, 1989*

Russian edition by Effect Publishing Inc.

Printed and distributed by

EFFECT Publishing Inc.

501 Fifth Ave. # 1612

New York, NY 10017, USA

*Внукам моим Бернгарду и Александру Клетцелям
и Томасу-Майку Гуншинану — посвящаю, с поже-
ланием жить не во лжи.*

„Ясновидение матери не дается никому”

Оноре де Бальзак

ПРОЛОГ

На железнодорожной станции К. контролер снял с поезда безбилетника.

Безбилетник был худ, бледен, а лицо его до того грязно, что похоже он никогда в жизни не умывался. Одет он был в старую солдатскую шинель, прорванную на локтях и с несколькими дырками на груди, чуть большими, чем бывают дырки от пуль. Под шинелью у безбилетника оказался стеганный на ватине халат казенного пошива из армейского гимнастерочного материала, одетый на изможденное голое тело.

Кирзовые солдатские сапоги его были так стоптаны и разбиты, что головки их походили на измятые полушары, сделанные из старых тряпок, и то, что это были сапоги, а не что-либо другое, угадывалось только по голенищам. Спутанные волосы торчали грязными буками в разные стороны.

Вдобавок оказалось, что безбилетник не умеет говорить и произносит то начало, то конец каких-то непонятных слов.

Приведя этого опустившегося, дальше некуда, человека в железнодорожное отделение милиции, контролер недоверчиво усмехнулся и произнес не без иронии:

— Глухонемым притворяется! По вагонам побирался... Да что там побирался! Все ловчился стащить чего-нибудь у привечавших его пассажиров. Эдакий бык, а работать не хочет!

Говоря это, контролер то и дело улыбался и даже хихикал, и жирные румяные щеки его при этом тряслись, как кусок студня на вилке.

— ... инь... та.., — произнес „эдакий бык” и по длинной шее его заходил вверх-вниз сухой кадык, похожий на недоеденную грушу.

— Что-что? — спросил дежурный милиционер, внимательно взглянув на задержанного, и, чуть прищуривая заплывшие глаза, ужаснулся. Выражение глаз у задержанного было бессмысленным, как у овцы жующей жвачку.

Толкая безбилетника в пустующую камеру предварительного заключения, двери в которую из дежурки были открыты настежь, и, скривив длинное рябое лицо, дежурный сказал, как бы желая успокоить контролера и подчеркнуть свое превосходство над ним:

— Ничего, ничего! Мы заставим его говорить по душам! У нас способ для этого верный!

Он показал левый кулак, который был у него весь в садинах и синяках и добавил:

— Зубодробительный!

Но применять зубодробительный метод дежурному не пришлось. Как раз в тот момент, когда он затолкнул безбилетника в камеру и хотел закрыть за ним дверь, в дежурку вошла женщина, назвавшая задержанного своим мужем. Она вытащила его из камеры и принялась обнимать и целовать

— Наконец-то! Сереженька! Изболелась я по тебе! Вот те крест изболелась!

Однако по всему видно было, что это не так, и ласки ее были притворными. Но к счастью для нее и для безбилетника, дежурный не заметил явного прит-

ворства.

Женщина объяснила, что увидела безбилетника еще на перроне и сразу же признала в нем своего мужа, который, как она объяснила, был дурак и глухонемой. Несколько лет тому назад он ушел из дома и пропал. И вот явился супчик!

Она так и назвала его „супчик“.

Говорила она, глядя на дежурного исподлобья, как на врага, но и этого дежурный не заметил или не придал значения.

Немного помолчав, она уточнила:

— Он родился психически ненормальным.

— А где его документы? — спросил дежурный.

— Он ушел из дома без документов. Он же дурак. Все его документы дома, — ответила она.

— Ну что ж! — недоуменно развел руками дежурный, — дураков милиции не надо. Забирайте его и уходите!

По дороге домой ненормальный и глухонемой вдруг заговорил. Правда, то, что он говорил, было непонятно, но все же он говорил. И спутница каким-то образом поняла его косноязычие. Он будто бы сказал ей, что раньше он не слышал и не говорил, но вот ему стало лучше.

Пораженная, женщина остановилась. Остановился и он. Некоторое время они смотрели друг на друга молча: она — обескураженная, а он, как бы глядя сквозь нее будто она была прозрачной, и все силясь что-то припомнить.

Женщина отступила на шаг и, продолжая разглядывать его, спросила:

— Сереженька, это ты?

Он услышал и понял вопрос, но ответить долго не мог. Заикался, произносил что-то невнятное. Но она разобрала.

— А ты кто? — будто спросил он.

— И тот ты, и не тот, — засмеялась она.

— Сергей я! Сергей! — вдруг не сказал, а закричал он. И странно: крик его был понятнее разговора. И прокричав свое имя, он снова спросил:

— А ты кто? Ты-то кто?

— Да ты что? — возмутилась она еще более удивляясь, — с ума спятил что-ли? Я твоя жена!

И он совсем разборчиво спросил:

— Жена? Галю?

— Тю! Тебе на язык! — уже озленно сказала она, — ты что и знал раньше, теперь позабыл. Никакая я не Галю, Ксюша я, жена твоя.

— Ну, ну! — согласился он и вдруг обрадованно закричал: жена моя! Галю! Ой, Галю моя! — и полез целоваться.

— Дурак! — закричала она, отстраняя его от себя.

1.

В кабинет прокурора вошла немолодая женщина, недорого, но чисто и опрятно одетая.

— Моя фамилия Зарудна, — произнесла она, присаживаясь на краешек стула у самых дверей. Робко положенные на колени руки ее были беспокойны: указательные пальцы подпрыгивали, а мизинцы то быстро скрючивались, то медленно выпрямлялись. Но она этого не замечала.

— Вы сядьте поближе! Вот сюда, — участливо предложил прокурор, внимательно осматривая посетительницу. Переходя на указанное ей место у приставного стола, она зацепилась порванным тупфлем за бахрому ковровой дорожки и чуть не упала.

— Осторожней! Пожалуйста осторожней, — мягко сказал прокурор и, когда женщина уселась, изучающе посмотрел ей в глаза. Левый глаз ее был неестественно прищурен и дергался, словно отсчитывая секунды. Дергалась и щека.

— Я вас слушаю, — сострадательно произнес прокурор.

— Моя фамилия Зарудна, — повторила женщина уже сказанное ранее. Последнюю букву своей фамилии она проглатывала.

— Чем я могу помочь вам, товарищ Зарудная? — спросил прокурор.

Женщина тяжело вздохнула. Она волновалась и не знала с чего начинать разговор: хотелось начать с самого главного, но главным было все. Рассказывать о своем горе ей приходилось уже много раз, и всякий

раз, вот так же, как теперь, она не знала с чего начать.

Прокурор был новый человек в городе, назначенный на этот пост уже после объявления новым лидером страны на шумевших перестройки и гласности. Он видел Зарудную впервые. Жалкая фигурка, робкие движения и какая-то скрытая боязливость располагали его к ней. Он встречал много людей задержанных самовластием чиновников и сочувствовал им.

— Вы впервые обращаетесь к нам? — спросил он.

Она вздохнула еще раз и, как показалось прокурору, еще тяжелей чем в первый. Вытащив из рукава белой опрятной кофточки носовой платок, она закрыла им глаза. Из груди ее вырвалось рыдание, но она сразу же взяла себя в руки: она пришла не для того, чтобы прокурор слышал и видел ее слезы и рыдания.

— В том-то и дело, — уняв себя сказала она, — что в этом кабинете я уже не помню сколько раз была. Да разве тут понимали таких, как я? Вот вчера от соседей узнала, что у нас новый прокурор, к старому-то не пошла бы уже. Говорят, что новые-то ставленники теперь лучше.

— Иди к нему, это перестройщик, — сказали мне соседи.

И я подумала, что новая-то метла должна по-новому мести. И пришла. Я очень прошу вас выслушать меня. Но только выслушать-то мало. И старый бюрократ выслушивал, вот только, когда слушал, ни в лицо, ни в глаза не смотрел. А чтобы проверить то, о чем я просила, это у него совсем не получалось. Что им, таким-то, до сердца матери! Не даром их, таких, выгоняют теперь.

Она отерла глаза от слез.

— Если вы меня будете слушать внимательно, — продолжала она, — а я буду говорить со всеми подробностями, потому что без подробностей мое дело и объяснить нельзя, то потребуется много времени, не час даже, а может и не два...

Прервав ее, прокурор посмотрел в журнал регистрации посетителей. Там было записано еще пять человек. Он откинулся к спинке кресла и, чуть подумав, сказал:

— Я готов выслушать вас, сколько бы это времени не заняло. Но может быть мы немножко подождем. Меня там ждут еще пять посетителей. Я приму их, а потом займусь вами.

— Только учтите, — согласилась Зарудная, — я не успокоюсь до последнего биения моего сердца и буду добиваться правды. То, что вы согласны выслушать меня, не дает еще никакой надежды. Старый-то бюрократ тоже слушал. Только как слушал-то! Я говорю, а он что-то пишет или бумажки листает и на меня не смотрит. Разве можно слушать и писать одновременно? Два дела делать — и то, и другое — умом? Слава Богу, теперь таких в три шеи гонят.

Глаза ее были красными, но не от одних только слез, а и от того, что она все время вытирала их.

Она поднялась и пошла к выходу, все более наклоняясь и опуская голову.

Прокурор нажал кнопку звонка. Вошла секретарша.

— Раечка, — сказал он ей, — только что бывшая у меня посетительница, фамилия ее Зарудная, заявила, что она обращалась в прокуратуру уже много раз. Передайте мое распоряжение Усольцеву, чтобы он поднял и принес мне все материалы по поводу жалоб Зарудной. Откинувшись к спинке кресла, он спросил:

— Много таких материалов?

— Материалов-то много, Федор Ильич, — ответила Раечка, — но толку-то что! Эта гражданка ищет ветра в поле...

Она хотела сказать еще что-то, но прокурор перебил ее.

— Хорошо, хорошо, — сказал он, — кто там сле-

дующий? Пусть войдет.

В кабинет вошла не по сезону одетая женщина: в платье и шерстяной кофточке. Присаживаясь, она тихо заплакала.

— Что случилось? — спросил ее прокурор.

— В этот город перевели моего мужа, и я приехала с ним. Чуткий, хороший он у меня был, и я никак не могла подумать, что он бросит меня. А он бросил. Сейчас он в командировке, вернется месяцев через шесть. О том, что меня нигде не принимают на работу он не знает, и потому денег мне не шлет. А мне жить не на что. Я на восьмом месяце беременная... Уехала бы куда-нибудь, да некуда. Ходила на ремзавод устраиваться на работу — директор посмотрел на мой живот и сказал: „Нам таких не надо!“

Я по специальности нормировщик, а на заводе как раз требуется нормировщик.

Прокурор полистал трудовую книжку женщины и позвонил директору ремзавода: „Почему, при наличии вакантной должности, отказываете беременной женщине Приходько в приеме на работу?“

Директор начал приводить различные доводы, но прокурор разъяснил ему законодательство о труде.

Директор вынужден был заявить, что поручит отделу кадров разобраться.

— Но должность нормировщика номенклатура не отдела кадров, а директора. Не отдел кадров, а вы отказали ей в приеме на работу, вы и должны разобраться, — настаивал прокурор.

— Да, но...

— Надо перестраиваться, товарищ директор, поворачиваться лицом к трудящемуся человеку. Она придет к вам сегодня снова, а я прослежу за вашим решением.

Положив трубку, он сказал посетительнице:

— Идите на завод и подайте заявление. И если вам

вновь откажут, сразу же с завода позвоните мне.

Приходько ушла от прокурора радостно возбужденная.

После нее вошла в кабинет группа молодых рабочих. Они принесли коллективную жалобу.

— Мы работает на автобазе НГЧ и живем в общежитии, которое тоже принадлежит НГЧ. Холода наступили, а у нас еще не начали топить печи. Говорят, что в прошлом году стоимость отопления превысила смету, вот теперь экономят на нашей шкуре. А перерасход получился потому, что в окнах нет двойных рам, а в одинарные продувает ветер. Словом, жить в таком общежитии нельзя. В нашей комнате живет семь человек, а табуреток только две, сидим на полу. И на работе у нас непорядок. Выписывание путевых листов длится чуть ли не до десяти утра. Диспетчер Неминущая требует, чтобы шоферы ей покупали вино, на простое она и глядеть не хочет, ей подавай шампанское. Начальник автобазы Вербицкий шашни с ней крутит, а начальник НГЧ Терехов — безвольный человек, ничего не может сделать, чтобы улучшить наше положение. Однажды он пришел на автобазу во время выписки путевок, мы ему говорим:

— Бездельничаем, товарищ начальник!

А он нам:

— Не бездельничаете, а курите. А курение, говорит, тоже занятие. Среди нас были некурящие, теперь все курят. Никакой перестройкой у нас и не пахнет.

Прокурора эта жалоба встревожила, но вида он не подал. В своем блокноте он записал: „Пятнадцатого побывать на автобазе и стройплощадках НГЧ. Проверить причины простоев, соблюдение законов о труде, жилищные условия рабочих”. Подумав, дописал: „Знает ли Дорпрофсоюз?”

Жалобщикам он сказал:

— В ближайшие дни буду у вас и на автобазе и на

других объектах НГЧ. Что касается отопления общежития, то сегодня позволю по этому поводу Терехову.

Он вышел из-за своего стола и сел за приставной, у которого сидели рабочие.

– Ну, а сейчас все! Поезжайте, работайте. О своей жалобе в прокуратуру и о том, что я буду у вас, пока надо помалкивать, а то может получиться ненужная суэта...

Приняв еще трех посетителей, прокурор принял Зарудную.

– Ну-с, товарищ Зарудная, продолжим нашу беседу. Я вас слушаю.

2.

Зарудная была из некрасовцев. Ее предки — запорожские казаки, которые когда-то подались за Дунай, а потом с чужбины переселились на Кубань, основали там на пустом месте свою станицу. Назвали станицу по фамилии атамана — Некрасовская. Так их и поныне называют на Кубани — некрасовцы.

В тридцатом году ее родителей раскулачили. Отобрали все, что у них было заветного и не заветного, а самих погнали вместе с многими другими, такими же горемыками, как они, на железнодорожную станцию и посадили там в пульманский вагон с решетками. Вагон этот был в составе, стоявшем без паровоза на отшибе от станции, в глухом ее углу маршрутного поезда или, как просто называют железнодорожники, маршрута. Посадили ее вместе с родителями. Исполнилось ей тогда ровно девять лет. Сидели они в вагоне, набитом людьми, как набивают бочки селедками при

посоле, и ждали когда их отправят в неведомое.

Стон и плач стоял в вагонах. Плакали и причитали. Причитали по себе, как по покойникам. Выли казачки, выли дети, выла вместе со всеми и девятилетняя Алочка Зарудная. А казаки курили люльки и скрежетали зубами:

— Жили мирно и честно, не грабили, не убивали, не сквернословили даже, и вот на тебе! Под арест! Вот это власть так власть! Испокон веков такой власти нигде не было. А называет она себя рабоче-крестьянско-казачьей, — со злобой говорили они, — какая же она к бису рабоче-крестьянская? Да еще казачья? Разбойники теперь у власти, вот кто! Говорят главный-то из кавказских бандитов. Достукалась Рассеюшка!

Но еще Некрасов учил своих казаков: „Один за всех и все за одного!” Станица Некрасовская восстала против вражеской власти, отмежовываясь от ее изуверского названия: „рабоче-крестьянская”. Восстали все до одного: и стар, и мал.

— Не хотим ваших колхозов! Не хотим идти в рабство! — кричали восставшие, — дайте нам жить, как мы хотим! Верните ни за что арестованных наших братьев станичников!

Они посадили в „Холодную” — арестный дом в Некрасовской, стоящий в центре выгона, который никогда не отапливается — всех станичных властителей, и, оседлав коней, двинулись лавой через степь к станции освобождать невинно арестованных. А те уже и всякую надежду на свободу потеряли...

В этом месте прокурор прервал рассказ Зарудной.

— Коллективизация, как указывает теперь наш генеральный секретарь товарищ Горбачев, была правильным мероприятием. Другое дело, что в сталинские времена проводили ее драконовскими методами. Нельзя было применять насилие, нельзя было проводить и это еще более драконовское раскулачивание, являю-

щеется, по сути дела, арестом миллионов ни в чем не повинных людей без суда и следствия.

— А кто бы пошел в эти проклятые колхозы, если бы не насилие? Да и сейчас они держатся только на насилие. Да и как держатся — на волоске, — ответила Зарудная.

— Может быть, может быть, — дважды повторил прокурор, и Зарудная заметила, что лицо его то серело, то светлело.

„Разболталась я, — подумала она о себе, — в другое время за такие слова немедленно бы привлекли, а сейчас... а теперь вот... я высказываю это прокурору.”

Вероятно то же самое, что Зарудная, думал и прокурор. Он взглянул в лицо Зарудной и, увидев как возбуждена она от всего сказанного, чуть наклонив голову, многозначительно произнес:

— Мда-а-а! Но, продолжайте, продолжайте... Что же дальше-то было у вас в станице?

— А ничего не было, — ответила Зарудная. — Освободили из тех проклятых вагонов станичников, но наклевали этим и на себя, и на них еще большую беду. Прислали в Некрасовскую войска НКВД. Страшную силу прислали. В каждую хату ставили на постой по два-три солдата. По одному-то боялись наверное. А так по ночам двое спали, а третий вроде как на карауле был...

3.

Страшное, увиденное в детстве, люди запоминают на всю жизнь. На всю жизнь запомнила и Зарудная, как вылавливали прятавшихся в степи по ометам и копнам освобожденных из вагонов кулаков и подкулачников, как арестовывали и избивали до полусмерти

тех, кто осмелился восстать против якобы „справедливого” раскулачивания и освободить своих земляков. Свезили пойманных в те же вагоны на станции, только охраняли строже, да и вагонов навезли втрое больше. Для всех чтобы хватило.

Но разве можно изловить всех, ставших отчаянными жителей станицы, когда рядом с Некрасовской без конца и края плавни, заросшие высоченным и совсем непроходимым камышом?

Туда и подались повстанцы. Но не все, конечно, бежали в плавни. Разбегались люди, гонимые рабоче-крестьянской властью кто куда.

Родители Зарудной со старшими детьми подались в плавни, а ей мать посоветовала идти пешком в Краснодар, к родственникам, которые не имели детей и очень любили маленькую Алочку.

Родственники эти, как бы предчувствуя беду, еще раньше покинули станицу и обосновались в округе (округом в те годы станичники называли Краснодар, он подчинялся в ту пору Ростову), в поселке завода имени Седина.

Так бы Зарудная и жила у своих родных, если бы не пыталась разыскать родителей, по которым тосковала. Года через два ее арестовали и судили тройкой заочно. Детей в ту пору судили заочно. Ей тогда было одиннадцать лет.

Тройка направила ее в детскую колонию обычного типа. А когда она там что-то натворила, ее перевели в колонию строгого режима, потом отправили в исправительно-трудовой лагерь для несовершеннолетних, а позже и в обычный лагерь.

Освободилась она за год до смерти Сталина. Ехать ей было некуда и ее устроили заведовать маленькой аптечкой для вольнонаемных при отделении лагеря, предварительно послав ее на трехмесячные курсы аптекарей. Там она познакомилась с лагерным интендантом

лейтенантом Вознесенским и вскоре вышла за него замуж. Вознесенского сразу же уволили из войск НКВД за связь с бывшей заключенной. Они переехали в Пятигорск. Там у Вознесенского жила и работала учительницей мать. Первое время они жили у нее в станице Горячеводской — пригороде Пятигорска.

В Пятигорске Вознесенскому долго жить не пришлось. Он умер от туберкулеза, который нажил в районах Крайнего Севера. Зарудная осталась молодой вдовой с маленьким ребенком на руках.

Время шло. Ее маленький Сереженька стал Сергеем, и пришло время идти ему в армию. Зарудная провожала его, как и все другие матери, словно на погибель. Уже шла война в Афганистане...

— Никакой войны в Афганистане мы не вели и не ведем, — перебил Зарудную прокурор, — наши войска выполняли там свой интернациональный долг.

Сказав это, прокурор недовольно поморщился: не от души сказал, казенно.

— Вот, вот, интернациональный долг, — подтвердила слова прокурора Зарудная, — так в похоронке и было написано: „пал смертью храбрых при исполнении интернационального долга”. Но кому это мы так задолжали, чтобы расплачиваться жизнью своих детей? А ведь их у нас всего-то по одному.

Она неестественно замотала головой, будто давясь чем-то. Потом трудно выдавила из себя:

— Брежнев сделал нас такими должниками и кровинушку нашу на погибель потребовал! Кому, товарищ прокурор, нужно было начинать эту войну в Афганистане? Только ему — Брежневу. Грешный был человек, себялюбивый, награды так и хапал. Говорят, наград он нахапал больше пуда, а врачи разрешали ему носить не больше трех килограммов! Грешный был человек и перед Богом, и перед людьми. Видела я по телевизору, как он целовался с этим Тараки. Уж лобызался, лобы-

Алла Петровна Зарудная после освобождения из лагеря

зался с ним! Братом называл. А когда этот самый брат его вернулся в Афганистан, его сперва с поста сместили, а потом, говорят, подушкой придавили. Рассказывал следователь по телевизору, как и где его давили, как часы золотые с руки снимали. А до того называли его — Великим вождем афганского народа. Вот и обурился наш великий за чужого великого и пошел войной на Афганистан. Сам-то он, конечно, в стороне был: это только встарь князья ходили воевать вместе со своими дружинами. Теперь же совсем не то, потому и легко им, этим брежневым, войны начинать. Не послал он на войну и своего сына Юрка, а моего Сереженьку послал. Говорят, этот самый Юрок его, когда наши сыновья гибли в Афганистане, во Франции развлекался. Яхты там нанимал богатые, да и раскатывал в них молодых француженок. Жил по потребности, как при коммунизме...

После той казенной бумажки, о погибели сына, долго я не могла придти в себя. Спасибо брату моему. Приехал утешить меня. Приехал и сказал: „Трудно тебе без мужа, а теперь вот и Сергей погиб, одна-одинешенька осталась, и мне одному трудно, — жена-то его почти в одно время с моим мужем умерла, — давай, — сказал он мне, — вместе жить”.

С ним и переехала я в ваш город. Кооперативная квартира тут у него...

4.

— А вот что случилось года полтора назад, — продолжала свой рассказ Зарудная, — иду я как-то с рынка по Верхнему валу и вдруг вижу стоит у водоразборной колонки молодой мужчина с ведрами. Что-то во мне

тогда будто огнем загорелось и заставило остановиться около этого мужчины. Подошла я к нему вплотную и взглянула в лицо. И вы знаете, ноги у меня подкосились, обе корзинки выпали из рук, и покупки рассыпались по асфальту. До того близким и родным показался он мне. Все в нем было Серезенькино: и лицо, и плечи, и вся фигура, и эта висюлочка на верхней губе, остренькая такая клинышком, которая накладывается на нижнюю губу. И верю, и не верю, что это мой сын. Ведь похоронка была.

— Серезенька! Сынок! — закричала я сама не своя.

И знаете, это мне показалось, что я закричала. Слова то не вырвались у меня изо рта. Стою, гляжу, сердце, как птица в клетке, а я ни слова. Там около колонки заборчик есть, я прислонилась к этому заборчику, чтобы не упасть и сама качаюсь, и заборчик качаю. В глазах темно... А он тем временем набрал спокойненько воды в ведра и пошел себе, на меня не взглянув. Зашел во двор напротив той колонки, аккуратно калитку за собой затворил...

Когда пришла я в себя, сразу же к калитке. А на калитке зеленой краской крупными буквами намазано, не написано, а именно намазано:

„ОСТОРОЖНО. ВО ДВОРЕ ЗЛАЯ СОБАКА”

Долго я стояла возле той калитки, все с духом собраться не могла. Потом все же нашла в себе силы, чтобы открыть калитку и войти во двор. А двор этот общий, широкий и длинный, даже для огородиков внутри двора место нашлось. Домики во дворе крошечные такие, какие только теперь бедный народ лепит. Я уж и не знаю, сколько там этих домиков было. Много! Смотрю, на веревке, на которую белье вешают, ковер висит, и женщина его выбивалкой настучивает, чистит значит и что-то не то поет, не то шепчет сама

себе. Правой-то рукой она работает, а левая вроде как сухая у нее, и она этой левой крутит, крутит... Подошла я к ней, спрашиваю:

— Сережа Зарудный в этом дворе живет?

Женщина посмотрела на меня подозрительно, вроде я воровка какая, бросила выбивалку себе под ноги и повернулась ко мне левым боком, сухой рукой. Подошла ко мне вплотную и как начала крутить этой сухой рукой прямо против моего носа. Я даже попятилась от нее, подумала, может ненормальная какая.

А она правда наверное ненормальная была. Как закричит на меня на весь двор:

— Нет здесь никакого твоего Сереженьки Зарудного! Пшла вон отсюда!

Она так и крикнула: не „пошла”, а „пшла!”

Меня даже оторопь взяла от этого ее крика. Уж не рада была, что и подошла к ней. Но набралась еще духу, спрашиваю:

— Как же нет? Он только что вот с ведрами сюда вошел? Сереженька мой? Сергей Зарудный?

А женщина как закрутит рукой, как закрутит, чуть по носу меня не бьет. Я опять попятилась от нее. А она еще пуще кричать принялась:

— Я здесь в домкоме работаю и знаю всех наперечет. Говорю тебе, непонятливая ты баба, что нет у нас во дворе никакого Сергея Зарудного! И не было никогда! Что вам еще от меня или от домкома нужно? Биографию, что ли, каждого жильца рассказать? Я и это могу. Потому что всех знаю, как свои пять пальцев. И ты не загаживай мне тут мозги, они у меня и без тебя загажены! Уходи подобру-поздорову, а то Семена своего позову, он тебе живо дорогу укажет!

„До чего же ты злая!” — подумала я о ней. Да ведь удивляться-то нечему. Натерпелся народ такого, что поневоле каждый злым будет.

Вышла я с того двора, тщательно закрыла за собой

калитку, постояла около нее и пошла. Иду, а сама плачу. Так со слезами и домой пришла.

С того дня стала я будто сама не своя. Хожу, ко всем приглядываюсь, и все меня к той калитке тянет. Сколькo раз я к ней ходила, счету нет. Приду и стою. Жду. Сама себя терзаю. А его все никак не могу встретить. Мучаюсь и надеждами, и сомнениями.

Вернусь домой и за сообщение горвоенкомата о том, что сын мой погиб. Читаю и не понимаю что читаю. Я уже и убирать эту бумагу перестала. Она у меня в горнице на столе, придавленное пресс-папье лежит. В последнее время уже не читаю я эту бумагу, а просто держу ее в руках и плачу, не отирая слез. Иногда закричать хочется на весь свет, но ведь не поможешь горю никаким криком.

Иногда думаю: „Может, он в этот двор случайно приходил к какому-нибудь знакомому и больше уже не придет.“

И как только кто-нибудь Серезенькиного возраста и роста идет мимо этой калитки, сердце у меня так и выскакивает из груди.

И все напрасно. Мучаю себя, а все напрасно.

Иногда даже мысль приходит, что может это привидение мне тогда показалось от тяжелых дум моих.

Но какое же может быть привидение наяву? Ведь видела... Видела я его... Вот этими глазами видела. Сердцем своим материнским чувствовала я его около себя... Потом-то я узнала, что он иногда надолго выезжал из города в другие местности нищенствовать.

Через какое-то время вновь встретила я его. Но уже не у калитки, а на базаре. Редко хожу я на базар, а тогда помню, что-то потянуло меня туда. Не помню уж, зачем и пошла.

И увидела его у ворот, у входа на базар... Нищим увидела я его... Милостыню он просил... С протянутой рукой стоял... У самой калитки стоял... Боже!.. Това-

рищ прокурор!.. Вы представить себе не можете, какой это удар был для меня... Боже!.. С протянутой рукой!.. Сын мой с протянутой рукой! Мой он, родной и...

Глаза ее при этих словах расширились и стали безумными. Между бровями легла глубокая складка. Она видела, как прокурор, неотрывно смотрящий на нее, вдруг положил свою руку на телефон, поднял трубку, но почему-то номер набирать не стал, подержал трубку в руке и медленно опустил на рычаг.

— Да... да... я... я...

Что-то пыталась выговорить она.

Прокурор обхватил голову руками, ему показалось, что она намеревается сказать что-то страшное и ужасное, что надломило ее, потому что это страшное и ужасное не в силах вынести никакой человек.

— Да, да! Он просил подавание, — взяв себя в руки, продолжала Зарудная, — рука его протягивалась ко всем входящим на базар, протянулась она и ко мне...

На нем была старая солдатская шинель, солдатские сапоги с оторванными, но еще не изношенными подошвами, которые он, или кто-нибудь другой, прикрутил проволокой. Прикрутил неловко, кое-как.

Он был без фуражки, и грязные нечесанные волосы его торчали во все стороны слипшимися буглями. Я схватила его протянутую руку и прижала к своим губам.

— Сереженька! — закричала я сквозь слезы, — родной ты мой! .. Сынок!..

Рука его была грязна и холодна, но я целовала ее. Чувствовала губами и грязь, и холод его руки, но целовала... Целовала, шепча одни и те же слова:

— Родной ты мой! Сынок!.. Жив... Жив!

А он безучастно смотрел на все это, как истукан. Смотрел и молчал. Глядел печальными и равнодушными до безумия глазами куда-то в сторону. Я оторвалась от его руки и глянула ему в глаза. Они были

близко. Я посмотрела в упор. И мне стало страшно от того безумия и пустоты, которые я увидела. Такие глаза бывают у овец. В них полное отсутствие понимания всего окружающего. Нет это не безумие. У обезумевших людей все же есть проблески ума, как бы оставшиеся следы его. А тут ничего. Мелькнула мысль, которую я до сих пор простить себе не могу. Я подумала: „Ошибаюсь я. По внешности это он, мой сын, мой Сереженька. Но у Сереженьки не может быть взгляда, говорящего о том, что в мозгу его никогда не было ума”. Отошла я от него, а уйти совсем не могу. Прижалась спиной к столбу, смотрю на него. Идущие через ворота люди толкают меня, а я не замечаю этого, и вдруг как закричу:

– Он! Он это! Сереженька мой! Другого такого нет никого на свете!

Это заговорило во мне сердце, заставившее замолчать разум. Но разум замолчал только на какие-то доли секунды. Опять во мне неверие:

-- Нет, нет... Сереженька мой не опустился бы так. Это же самое дно! Ниже некуда!..

И опять я подошла к нему.

– Кто ты? — спросила я его.

Он провел ладонью по моей щеке, так, как это делал всегда Сереженька, — была у него такая привычка проводить ладонью по щеке, и я вся подалась к нему и спросила:

– Ты Зарудный? Сергей?

Он повернулся ко мне, склонил вниз голову — он был выше меня — и посмотрел на меня исподлобья, и такая глубокая грусть была в этом его взгляде, такая мука, такая печаль, что я окаменела.

Протянутая рука его опустилась вниз и потому, что тело его было согнутым, рука как-то неестественно повисла, совсем безжизненно повисла.

Я еще раз ласково и совсем тихо спрашиваю его:

— Ты Зарудный? Сергей? Сын мой?

А он молчит и только дрожать стал все чаще и все сильнее. То ли от холода стал он дрожать, то ли от волнения. А меня стала мучить мысль: „Почему он не признает меня? Ведь уходил в армию не ребенком, а мужчиной. Помнить-то должен...

И я будто раздваиваться стала. Будто уже не одна я, а две меня стало. И одна признает, уверенно признает, что это мой родной сын Сереженька, другая же говорит, хотя и сострадательно, но жестоко: „Нет и нет! Ты ошибаешься! Это не твой сын!”

И одна я, и другая я стали жарко спорить между собой...

Как бы остановив этот спор, я спросила его:

— Дорогой мой, где ты живешь? Не на Верхнем ли валу? Против водоразборной колонки? А?

А он хоть бы слово сказал, только голову стал наклонять все ниже, все ниже, будто боднуть ею меня хотел. Когда он наклонился совсем низко, я вспомнила, что родинка была у Сергея на темени с горошину величиной. Протянула я руку к его голове, ищу пальцами родинку в его спутанных, слипшихся от грязи волосах, и вдруг нащупала ее, да как закричу:

— Родинка! Вот она родинка! Родинка на темени! Он это!

Такое тогда состояние у меня было, что мне хотелось, чтобы тому, что на темени мною обнаружена родинка, радовалась не только я, а все, кто там находился или проходил мимо. Им-то и кричала я:

— Родинка! Родинка! Он это!

И второпях отняла руку от родинки. Всего на мгновение какое-то оторвала. А потом протянула руку к темени, щупаю и никак нащупать не могу — нет родинки. Так и не нашла ее второй-то раз. Я щупаю его голову, помню долго щупала, а он стоит и молчит, как неживой.

Отошла я, постояла поодаль и пошла. Пошла домой, а пришла все к той же калитке на Верхнем валу. Зачем пришла — сама не знаю. Ведь нет же его там, на базаре он, а я туда пришла. Сама не знаю, что мною управляло в тот момент.

Домой пришла только под вечер, рассказываю брату, а он мне и говорит:

— Брось ты это все! Зачем цепляться за каждого прохожего? Ты же получила извещение, что сын твой погиб? Получила. Вон оно все на виду на столе лежит. Мне уже больно стало смотреть на тебя. Брось! Надо смириться с утратой. Хочешь ты этого или не хочешь, а смириться надо. Ничего поделать нельзя...

А я вот никак не могу смириться. Жить-то зачем, если смириться с этим? Одной мыслью ведь живу, что не погиб мой сын, что нашелся, только что-то с ним произошло. И пока не выясню, что же именно произошло успокоиться не могу. И если это он, — а сердце материнское обмануть трудно, это он, — то я должна вернуть его к настоящей жизни. День и ночь стоит он у меня перед глазами, то ребенком, то юношей, и все вспоминаю я, вспоминаю... Вспоминаю, как он любил покойного отца, так и висел у него на шее... Все вспоминаю, а теперь вот он на базаре!.. Боже мой!.. На базаре! Уберусь я по дому и спешу к нему, к базарным воротам. А он все на том же месте, у ворот...

Но вот однажды он сказал мне:

— Если хотите знать, кто я, то приходите на квартиру. Живу я на улице Верхний вал, дом номер девятнадцать.

Сказал путаясь, с трудом произнося слова, не договаривая окончаний. Особенно трудно было ему произносить согласные звуки.

В тот вечер я отправилась по указанному адресу, а это была уже известная мне калитка у водоразборной колонки. Я увидела его как только подошла и взглянула через калитку внутрь двора. Он стоял во дворе и неотрывно глядел на калитку. Поняла я тогда: ждал он моего прихода. Когда я подошла, он задрожал весь, но не заплакал. Глаза его были сухи. Движением сбывшейся головы и руки он показал мне на дверь, в которую мне надо войти, а сам тут же быстро-быстро побежал за стоявший сбоку дома сарай и скрылся за ним.

Я остановилась в растерянности: бежать ли мне за ним или идти в дом?

Он выглянул из-за угла сарая и видно мне было, как он присел там. Руки, которыми он держался за угол сарая, болезненно заскользили вниз. У него наверное не было сил стоять. Так хотелось мне в тот миг броситься к нему за сарай, прямо подмывало всю, но я пересилила себя и пошла в дом. Постучалась в дверь. Сперва тихо. Никто не отозвался. Я постучалась сильнее. Опять никакого отзвука. Я громко крикнула:

— Можно войти?

А в доме будто никого не было. Молчание.

„Может я напрасно стучу, может там действительно никого нет?“ — подумала я, — но он же указал мне на дверь, дал знак. Все-таки он что-то сообщает...

Я осмелилась, раскрыла дверь и вошла.

В пустой, без мебели, но, знаете, большой такой комнате с грязными стенами и закопченным, почти черным потолком, прямо на полу из широких досок с прозорами, сидела женщина. Перед ней — ворох старого белья высотой, наверное, с человеческий рост. Она перебирала это белье. Видимо он, а может и она, собирали все это как милостыню.

Я остановилась у дверей и спросила, сдерживая дрожь в голосе:

— Можно мне с вами поговорить, гражданочка?

Она видела меня впервые, как и я ее, но уже наверное слышала обо мне и сразу же нахмурила брови, лицо ее стало злым.

— О чем нам говорить? — спросила она и уставилась на меня стеклянными глазами, которые, как показалось мне, у нее почему-то не моргали.

И этот стеклянный взгляд ее, и выражение лица, и вся она отражали какую-то злобную решимость. Мне показалось, что она смотрела на меня, как на некое низшее, чем она, существо, решившееся вторгнуться в чужую, недоступную мне, ее жизнь. На ней была серая, грязная в каких-то подтеках юбка, разодранная спереди снизу до самого пояса. Кофты на ней не было. На плечах скомканые и скрученные тесемки пожелтевшей от грязи ночной сорочки. Отвислые груди почти голые.

Я не мужчина, и меня не надо было смущать женским телом, но она почему-то хотела смутить меня именно этим. Как-то странно, вся змеино извиваясь, она несколько раз повернулась то направо, то налево и наконец легла спиной на ворох белья, раскинув руки и ноги. И я уж не заметила, как это она сделала, только подол ее нижней сорочки задрался, и ноги ее обнажились до самого живота, оголилось все ее безобразие. Было это грязно и противно. Я была, видимо, для нее ничто. Она не стеснялась меня и этим неестественным, как бы унижала меня. Своим беспутством унижала меня.

— Ну! — крикнула она, не моргая стеклянными глазами, — говори, зачем пришла?

И тут я с ужасом увидела, что она была пьяная. Не то что выпивши, а пьяная. До безобразия и потому не знала, что творила. Она была вдвое, а может и больше старше моего Сереженьки. Она была старуха, но из тех, о которых говорят: „маленькая собачка весь век — щенок”. Изношена так, что дальше некуда. Есть такие женщины, у которых бросается людям в глаза

их изношенность. Ее изношенность не кричала о себе, а вопила. На таких, как она, женщин больно и страшно смотреть. На нее было смотреть страшно.

Когда я объяснила ей цель своего прихода, она громко и с шипением сплюнула и так, что плевком полетел в мою сторону, но до меня не долетел, упал у моих ног. Плевок этот был зеленый и вонючий. Помню запах его неприятно ударил мне в нос, и меня чуть не стошнило.

Она проследила за этим плевком, потом недобро улыбнулась, так что вроде и не улыбнулась и скрипучим голосом, такого скрипучего мне слышать больше никогда не приходилось, выговорила:

— Никакого вашего Сереженьки здесь нет. Есть мой муж Сергей Шевченко. Он из Новгорода. Я давно живу с ним и знаю его родителей, и они меня знают. Мы не один раз с ним бывали у них в Новгороде.

Сказав это, она опять сплюнула в мою сторону и облизнула губы тонким синим языком, язык ее необыкновенно быстро бегал по ее, тоже синим, губам. Потом она закричала на меня так громко, что крик ее наверное слышал и мой Сереженька за сараем:

— А ты какая-то самозванка!

И захохотала дико, как дико хохочут в ночи лесные филины:

— Ха-ха-ха!

Хохотала она долго и сквозь смех, как бы выплескивала из себя:

— Тоже мне, мать объявилась! Ха-ха-ха! Пенсию его заграбастать хочет! Ха-ха-ха! А шиша не хотела, гадина обосраная! Ха-ха-ха!

И уже перестав хохотать, процедила сквозь зубы:

— Ничего себе... присмотрела заработочек!.. Уходи отсюда стерва вонючая!

Она поднялась с трепья, выпрямилась, потом откинулась назад, выпячив вперед грудь, подняла высоко

подбородок и, задрвав опустившийся было подол юбки и нижней рубашки, стала хлопать себя по низу живота и бесновато выкрикивать:

— Вот чем я его к себе приворожила! Вот чем! Такой п... ему не найти больше нигде и никогда! У меня только у одной она такая! И мне он как раз пришелся! Мой он! И я никому его не отдам!

Она стала швырять в меня валявшееся на полу грязное белье. Потом прыгнула, как наверное прыгали раньше ведьмы в сказках, раздвинув колени в разные стороны, пригнувшись и положив обе руки на колени. перевернувшись вокруг себя волчком, так что мне страшно стало глядя на ее колдовские повадки, потом выпрямилась и пошла на меня, тресая голыми грудями, мотая головой вверх-вниз, от чего грязные волосы ее то закрывали ей лицо, то открывали, и крича шипяще и непонятно:

— Вон!.. Вон стерва!.. Уходи пока цела!.. И больше, чтоб ноги твоей в моем доме не было!

5.

— После этой встречи с ней, — продолжала свой рассказ Зарудная, — я не знала, куда себя девать.

„Это не женщина, а какое-то чудовище, — думала я о жене моего Сереженьки, — и надо искать что-то такое, что помогло бы вырвать его из ее цепких лап.”

На другой день я упростила свою знакомую пойти со мной на базар. Я хотела, чтобы она поговорила с моим Сереженькой спокойнее, чем я. Она же посторонняя. Ведь каждый человек разговаривает с посторонним, незнакомым совсем иначе, чем со знакомым, а тем

более с близким.

Женщина, которую я пригласила для переговоров, была учительницей и очень опытной. Как-то она сумела вызвать Сереженьку на откровенность. Не видя перед собой меня, я была там же, но стояла за углом, он был спокойнее и говорил уже совсем понятно: в словах его была какая-то связь и кое-что и моей знакомой и мне, слушавшей весь ихний разговор, стало понятно.

Он рассказал, что жена его сильная и жестокая женщина и что он боится ее до смерти. Она часто пьет с какими-то не знакомыми ему мужчинами, которых все время меняет и открыто, при нем ложится с ними спать. Ему же она угрожает, что если он кому-либо будет рассказывать о своем и ее прошлом, то она его убьет.

О ее прошлом он ничего рассказать и не может, так как не знает никакого ее прошлого. О своем же прошлом рассказывать ему нельзя, потому что он, якобы, дезертир, уклонился от возвращения в свою часть из госпиталя, а таких, кто уклоняется вернуться в свою часть, в Афганистане судят без сожаления и милости...

— А ты разве воевал в Афганистане? — спросила удивленная этим его сообщением моя знакомая.

Он сперва ответил ей, что: — „Да!” Но потом подумал и сказал: „Нет!” И помолчав, добавил:

— Но она-то знает!..

„Она” это, видимо, была его жена. Что знает она, он досказать не захотел, но пояснил, что она рассказывала ему, как сидела в лагерях и как там издеваются над заключенными.

— Если ей будет угрожать снова суд и лагеря, — говорила она ему, — то она скорее убьет себя, чем согласится снова попасть в руки чекистов. Она также говорила ему, что убьет и его, если ему будет грозить чекистский арест.

Чтобы он продолжал свой рассказ, моя знакомая поклялась ему, что она никогда и ни за что не подведет его и не будет рассказывать то, что он говорит ей. Она также сказала ему, что у нее есть знакомые врачи, и они помогут ему лечиться.

Его это очень обрадовало. Он стал жаловаться на боли в голове, и что эти боли измучили его и он хочет, очень хочет, лечиться, быть здоровым, работать и жить честно. А от жены он уйдет, скроется от нее раз и навсегда, как только такая возможность ему представится.

Он рассказал, что когда приносит с базара или с поезда много, она ласкова с ним, хорошо кормит и если у нее нет других мужчин, позволяет ему ложиться с ней спать и за ночь доводит его до того, что утром ему тяжело даже с постели вставать. Когда же он приносит мало, она ему не дает есть, иногда избивает и укладывает спать у порога, на голом полу, без всякой постели, дав под голову веник из березовых прутьев.

Он уверен, что деваться ему, от всего этого, некуда. У него только два пути: жить, как живет, или тюрьма и расстрел за дезертирство.

Я думаю, — сказала Зарудная, — что никакой расстрел ему никогда угрожать не мог. А боится он, потому что кто-то вбил ему такое в голову. И крепко вбил.

На вопрос моей знакомой: — есть ли у него кто-нибудь из родителей и мог бы он пойти жить к ним, если бы они его нашли, он ничего не ответил, повернулся лицом к стене, у которой стоял и дважды очень сильно ударился головой о кирпичи, после чего так и не повернувшись протянул назад руку и стал махать ею: — „Уходи, мол, уходи!“

Это, видимо, был самый страшный для него вопрос, который он хочет и не может разрешить.

Знакомая моя отошла от него, а потом, когда он успокоился, подошла вновь. Она передала ему, как я

договорилась с ней, пять рублей. Он принял деньги трясущимися руками. Ему столько никто никогда не подавал. Полученную пятерку он положил не в карман, а спрятал в рукав, засунув до самого локтя. Может быть он хотел спрятать деньги от жены.

Когда они опять разговорились, он рассказал ей все, что сохранилось у него в памяти: где и как воевал в Афганистане, назвал даже фамилию командира не то роты, не то батальона. Чтобы не забыть, я сразу же записала фамилию этого командира: Силуянов. Но где и как его контузило и ранило, он не помнит. Помнит только как он падал с какой-то высоты, с крутой сопки в глубокую расщелину...

— Может быть все это кажется его больному воображению? — спросил прокурор, — ведь трудно допустить, чтобы солдат воевавший в Афганистане, оказался у нас за бортом внимания и помощи. Конечно, немало воевавших в Афганистане потеряли память, остались калеками, но все они на учете и под надзором, а тут под присмотром какой-то нищенки...

— Все может быть, товарищ прокурор, — ответила на реплику прокурора Зарудная, — но скорее всего он говорит правду...

— М-м-да! — многозначительно произнес прокурор.

— Очнулся он в госпитале, — продолжала рассказывать Зарудная, — а как его выписали из госпиталя и выписали ли, он не знает, вернее не знал до того разговора моей знакомой с ним.

Он долго тогда вспоминал, вода ладонью по сморщенному лбу и все же вспомнил, как ушел из госпиталя. Пошел он на прогулку, а госпиталь был в лесу. Он зашел в чащу и заблудился. Долго ходил кружа и путаясь по лесу, пока не попал на какую-то железнодорожную станцию, на которой стоял пассажирский поезд. Он обрадовался, увидев поезд и сел в него. Он был уверен, что поезд доведет его до родного города.

Но поезд вез его не туда, куда он хотел ехать. Он пересаживался с одного поезда на другой, и все ехал и ехал, не зная куда, но думая, что в конце концов он все же приедет домой.

Вдруг, как-то садясь в очередной поезд, хватился, что у него почему-то нет никаких документов. Он обшарил все карманы и не нашел ничего. Сразу же пришла в голову мысль: „Кто он?“ Оказывается, он не знал „кто он?“ К кому-то обращался за разъяснениями, но был почти глухонемой: одни слова выговаривать мог, другие — нет. И из того, что ему говорили, не все слышал.

И тогда его словно обухом по голове ударили. Он вспомнил, что ушел из госпиталя, из которого не должен был уходить, и за этот уход его могут судить как дезертира. Вспомнил какие-то расстрелы дезертиров в Афганистане. Вспомнил, как падали расстрелянные в какой-то ров и их засыпали камнями, так как рядом не было земли. А он, как и многие другие из их роты, стоял в оцеплении, охраняя место расстрела.

Вспомнил он это внезапно. Сидел на откиннутом стульчике в проходе вагона и, вспомнив это, встал со своего места и ему вдруг захотелось бежать. Куда бежать все равно, лишь бы бежать. И он кинулся в тамбур вагона и тогда-то его и схватил контролер, как безбилетника...

Женщина, назвавшаяся его женой, приведя его из милиции в свою квартиру, спросила его:

— Деньги у тебя есть?

Деньги у него были, но немного, он не помнит сколько, но помнит, что с благодарностью все до копейки отдал.

Она тогда спросила его:

— Ты отдал мне все деньги?

— Все, — ответил он.

Она не поверила и стала обыскивать его. Он не

хотел, чтобы она раздела его донага, но она сказала ему:

— Ты же муж мой!

И он поверил, что он ее муж и позволил себя раздеть. Она проверила всю его одежду, а потом заставила его несколько раз повернуться вокруг себя и посмотрела не прячет ли он деньги подмышками и между ног.

Ничего не найдя, она осталась довольной, потому что он ничего не утаил от нее. Она дала ему выпить водки, накормила и уложила спать и сама легла рядом с ним.

Утром он проснулся от того, что она внимательно смотрела на него. Она спросила:

— Ты Сергей?

— Сергей, — ответил он.

— Ну вот, — сказала она, — теперь мы снова вместе, но ты стал какой-то совсем другой, незаметный какой-то. Может тебя подменили черти?

При этих словах она засмеялась. Засмеялся и он.

— А ты помнишь свою фамилию? — спросила она.

Фамилии он не помнил, и она подсказала ему:

— Ты Шевченко! Сергей Шевченко! Родители твои живут в Новгороде, и мы скоро с тобой к ним поедем.

Она показала ему свидетельство о рождении на имя Шевченко Сергея Николаевича. Фамилию Шевченко он помнил, причем помнил хорошо, но что он и есть Шевченко, он до этого не знал.

Вскоре по свидетельству о рождении ему и паспорт выдали на имя Шевченко. Когда они возвращались из милиции после получения паспорта, жена его, много и весело говорила и смеялась. Она убеждала его:

— Теперь ты с подлинными документами и можешь чувствовать себя хорошо и безопасно. Но ты не должен никогда больше забывать своей фамилии. Ты Шевченко Сергей Николаевич, запомни это. В армии ты никогда не служил и потому не мог быть дезертиром. Ты больной и тебе вечно все что-то представляется. А теперь вот втемяшилось в голову, что ты воевал в Аф-

ганистане. Ты дефектный от рождения и нигде не мог воевать. Никто и ни в чем тебя теперь обвинить не сможет, а если кто и попытается, так я же с тобой... Я буду твоей вечной заступницей...

Рассказывая все это прокурору, Зарудная то бледнела, то краснела и все больше теряла силу управлять сама собой. С большим трудом она произнесла слова:

— С тех пор он и живет у этой своей заступницы...

Сказав это, она закрыла глаза, низко опустила голову и обхватила ее руками, скрестив пальцы на макушке, запустив их в волосы. Она стала качать головой и не говорила, а выдыхала из себя:

— Вот... вот... побирается... нищенствует... А ему-то ведь этого не надо...

6.

Видя, что Зарудная говорит уже не по существу дела, прокурор прервал ее:

— Что же произошло дальше? — спросил он.

— Что дальше? — вопросом на вопрос ответила Зарудная, спрашивая не прокурора, а сама себя.

Она внимательно посмотрела на прокурора через стол и вдруг со всей ясностью поняла, что он, этот новый прокурор, молодой еще, но по-видимому уже опытный и не чета старому, поддержит ее, что он уже сейчас на ее стороне.

Выводы ее были, конечно, скоропалительны. Стражи закона в нашей стране непроницаемы для тех, кто обращается к ним, хотя они тоже люди и подвластны состраданию.

— Вы спрашиваете, что же дальше? — заговорила она

после некоторого молчания. — Дальше я решила обратиться к органам власти. Просила помочь мне, тщатель-но разобраться, выяснить, кто этот больной человек, в котором я признаю своего сына. Но вы же знаете, каковы были наши органы власти до новой перестройки и гласности...

Она чуть помолчала, потом продолжала:

— Конечно же знаете. Разбиралась в моем деле милиция. Меня старались убедить, что я неправа, что, судя по документам, я обозналась, что человек этот вовсе не Сергей Зарудный, а Сергей Шевченко. Меня уверяли, что для опровержения имеющихся документов, которые подтверждают, что он Шевченко, просто не за что уцепиться.

Говорили вроде как доказательно, но сердце мое не давало и не дает мне покоя ни днем, ни ночью. И пока не буду твердо убеждена, кто же он — этот человек, не могу успокоиться.

— Ну допустим, только я этого не допускаю, но все же допустим, — продолжала Зарудная, — на минутку допустим, что он не мой сын. Но ведь он инвалид и находится в руках шантажистки. Ведь не порядочная она женщина, а шантажистка! Ведь шантажистка!..

Последнее слово Зарудная не сказала, а выкрикнула и, чуть успокоившись, продолжала:

— Разве власти не обязаны вмешаться в это дело? Ну, а если он мой сын? То кто, кроме меня, поможет ему!

— Это конечно, конечно, — согласился прокурор, — все так! Именно так! Но надо уяснить себе, что нужно сейчас, в первую очередь. Сейчас необходимо внести ясность, установить истину и помочь инвалиду избавиться от бесправного и унижительного положения. И тут я уже могу сказать вам, что вы правы, что мы с вами заодно. Но только в том, что инвалиду надо помочь. Только в этом. В остальном же мне надо многое

уяснить... Продолжайте, продолжайте! Я внимательно слушаю вас.

7.

— Во время проверки моего заявления, — продолжала Зарудная, — эта женщина, так называемая его жена, подала на меня жалобу, что я якобы имею корыстную цель, хочу получать пенсию на инвалида — участника Афганской войны, а это большая пенсия. Из-за этого, мол, я хочу отобрать у нее законного мужа, и добиваюсь признания инвалида моим сыном.

Жалобу она подала прокурору и потому к рассмотрению дела к милиции подключилась и прокуратура. Была устроена встреча Сергея Шевченко с родственниками его матери: материной сестрой и ее мужем. Они живут и работают недалеко отсюда, в совхозе, где-то около Бортичей, там есть птицесовхоз. И вот сестра его мнимой матери опознала в нем Сергея Шевченко и заявила, что это ее родной племянник — дефектный от рождения. Потом и муж ее подтвердил это.

Но ведь у меня тоже есть родственники: сестра, племянница, которая является двоюродной сестрой моего Сереженьки, они хорошо знают его. Опросить их ни милиция, ни прокуратура не пожелали.

На опросе всех этих Шевченков присутствовал и Сережа, была и я. Была вроде как очная ставка со всеми сразу. И представьте себе, мой родной сын глядел на меня злыми глазами и заявил, что никакая я ему не мать, а те — его родные тетя и дядя.

Как он мог заявить так, ума не приложу. Конечно до этой очной ставки тетя и дядя были на квартире

у Шевченко и беседовали с Сережей, видимо, ласково обошлись с ним, внушение ему сделали, но все равно это заявление его мне никак непонятно.

Сказал он, что я никакая не мать его, а сам заплакал. Да не то, что заплакал, а зарыдал. Видимо тяжело у него было на душе. У меня сердце разрывалось от этого, а им — его „жене, тете и дяде” хоть бы что.

Рыдая, он сперва отвернулся от меня, а потом не сдержался, да как кинется ко мне. Жена его дорогу ему преградила и ласково, так ласково, что я диву далась, сказала ему:

— Сереженька! Ты совсем с ума сошел! Это же чужая женщина!

Говорила-то она ласковые слова и ласковым голосом, а выражение лица было злым, глаза так и сверкали по-волчьи. Была она в тот момент бирюк бирюком.

Сереженька мой испуганно посмотрел ей в лицо и стал пятиться от нее к стене. Вы бы посмотрели, какое выражение на лице и в глазах его было тогда. Безумство мешалось с каким-то не знающим границ страхом, будто надвигалась на него какая-то неотвратимая беда.

— Эта женщина, — указывая на меня, объясняла ему жена, — говорит, что ты в Афганистане воевал, значит ты дезертир, значит тебя надо судить и расстрелять. Это недобрая женщина! Тебе надо бояться ее!

Он посмотрел на меня, топнул ногой и сказал:

— Недобрая ты! Уходи!

— Нет, добрая, — ответила я ему, — я добра тебе желаю, потому что ты мой сын.

Но он тогда и слушать меня не захотел, так они его настрополили.

* * *

Закончив рассказ об этом, Зарудная порылась

в сумке, вытащила из нее сложенный вчетверо листок бумаги и, развернув и разгладив его рукой, положила перед прокурором, сказала:

— Вот!

— Что это? — спросил прокурор и, взяв бумагу, стал читать вслух. Это было Заключение милиции по заявлению Зарудной; в нем говорилось:

„Опознание гражданкой Зарудной Аллой Петровной гражданина Шевченко Сергея Николаевича своим родным сыном Зарудным Сергеем Вячеславовичем, рождения 1960 года, неправдоподобно и является выдумкой ее воображения, а потому считать его Шевченко Сергеем Николаевичем, 1960 года рождения. Материал проверки производством прекратить и сдать в архив”.

Под заключением стояли три подписи работников милиции и была приложена гербовая печать городского УВД.

За время своей борьбы за сына, Зарудная научилась говорить казенным юридическим языком. По поводу заключения милиции она сказала:

— Такое заключение вынесено на основании ложных показаний заинтересованных лиц, прячущих свою преступную внешность. Заключение это не соответствует действительности. Фиктивные мать и сестра ее, а также муж сестры и женушка инвалида фактически обируют моего сына, вымогая у него пенсию и все, что ему удастся добывать как нищему. Как родная мать, я не могу смириться с этим ни при каких обстоятельствах...

Зарудная помолчала и вдруг поднявшись со стула, сделала то, чего делать не надо было. Она упала перед прокурором на колени, протянула молящие руки к нему через стол.

Увидев ее в такой просящей и унижительной позе, прокурор на минуту растерялся, но быстро сориентировался и, выйдя из-за стола, встал на колени перед ней:

— Если вам удобно разговаривать с прокурором на коленях, то давайте беседовать на коленях, — сказал он.

Но беседовать с нею на коленях он не стал. Он взял ее за руку и, вставая с колен сам, поднял и ее.

— Успокойтесь, — сказал он, — и давайте разговаривать спокойно.

Зарудная смутилась и, усевшись на стул, сказала, склоня голову:

— Извините меня, дуру, товарищ прокурор. Другое теперь время. Ныне не надо унижаться перед властителями... Извините меня!

Прокурор как бы не слышал эти ее слова извинения и спросил официально и строго:

— Что вы еще можете добавить к уже сказанному?

— Умоляю вас, товарищ прокурор, сердцем своим материнским умоляю и прошу вас, — она заговорила быстро, как бы спеша высказать то, что считала еще невысказанным, — распутайте этот клубок, помогите моему горю! Я замучалась, добиваясь правды, у меня иссякли все силы. Стену, отделяющую от начальников нас, простой народ, я никак не могу пробить. Никто меня не хочет понять и выслушать. В том, что этот человек мой сын, я убеждена. Но никто меня не поддерживает и не хочет понять. Неужели у нас преступность сильнее правды? Я уже немолодая. Жизнь прошла тяжело, в унижениях и оскорблениях, сколько мне доведется еще жить на этом свете я не знаю, но наверное совсем немного. Борьба за родного сына, за его судьбу подорвала мое здоровье. Разберитесь пожалуйста во всем как можно скорее...

Она начала вздрагивать и трястись сильнее, чем во время своего рассказа, глаза ее расширились и стали мутными, рот ее то раскрывался, то закрывался, она видимо что-то хотела сказать и не могла.

Прокурор понимал ее положение и ему было не по

себе. Выйдя из-за стола он прошелся по кабинету из конца в конец, потом прошелся раз и еще раз. Он искренне верил Зарудной, но одной веры, чтобы решить запутанный вопрос, даже прокурору мало, нужны доказательства: документы, свидетели. Противная Зарудной сторона имеет документы и свидетелей, у нее же нет ничего.

Когда Зарудная немного успокоилась, он подошел и положил руку на ее плечо. Это был жест доверия и ободрения. И это было все, что он пока мог для нее сделать. Даже слов ободрения он сказать пока не мог, не имел права.

Усевшись в кресло, он сказал:

— Вы конечно понимаете, что немедленно, то есть вот сейчас, осмотрев документы дела и выслушав вас, я не могу вынести какого-либо решения по вашей жалобе. У меня на столе лежат материалы проверки вашего заявления. Здесь... — он положил руку с растопыренными пальцами на кипу лежащих на столе бумаг, — здесь объяснения, протоколы личных ставок, показания свидетелей и наконец заявление самой гражданки Шевченко. Все это пока не в вашу пользу. Мне все это необходимо изучить досконально, вникнуть не только в каждую строчку, но и в каждую букву написанного. Я должен представить себе в какой обстановке принимались те или иные меры и решения и только тогда я смогу подвести итог уже проделанной работе и дать всему свою оценку. Пока же я только могу обещать вам, обещать ответственно и серьезно, что я сделаю все необходимое для восстановления истины и законности. Другого я пока сказать вам ничего не могу. И еще! Я должен сказать вам, что решение по вашему делу будет принимать не прокуратура, а суд. Прокуратура не вправе принимать подобные решения.

— Как! — воскликнула опешившая Зарудная, — а как же милиция? Она может, а прокурор нет? Милиция

сделала это без суда...

— И милиция не может, — сказал прокурор.

— Но она же решила, она...

Прокурор перебил ее:

— Милиция приняла такое решение, очевидно по незнанию законности, она превысила свои права и полномочия и присвоила себе функции суда.

8.

На другой день утром помощник прокурора Усольцев вошел в кабинет прокурора с двумя объемистыми папками дел, кромки которых были довольно измызганы. Прокурор что-то торопливо писал. Он взглянул на помощника усталыми глазами; плохо спал прошедшую ночь.

— Вас уведомили вчера о моей просьбе взять из горотдела все, что там имеется по жалобам Зарудной и Шевченко? — спросил он.

— Уведомили, — поспешил ответить Усольцев, — Раечка у нас в этом отношении человек очень аккуратный.

Присаживаясь в углу между двух столов, Усольцев положил на стол прокурора принесенные папки.

— Вот они эти дела, — сказал он, — вот эта папка, что потолще, милицейская, а вот эта — скромненькая — наша. В ней только те документы, которые вам еще не переданы.

— Вы знакомы с этими документами? — спросил прокурор.

— Да, конечно! И не только знаком, но кое-что здесь дело моих рук. Можно закурить?

Закури́в и откинувшись к спинке кресла, Усольцев, считая своей обязанностью ознакомить прокурора со своим мнением о принесенных им документах и вообще о деле Зарудной и Шевченко, заговорил:

- Я не знаю, что вас в этом деле интересует. Но как в милиции, так и у нас, все эти документы давно положены в архив. Они прошли исчерпывающее расследование и по ним вынесено абсолютно правильное решение. Все здесь настолько доработано и доведено до полной ясности, что какому-либо другому решению просто нет места. Восемь человек: родная мать Сергея Шевченко, ее сестры, соседи, тетка с мужем единогласно подтвердили, что этот человек не какой-то там, как утверждает Зарудная, возвращенный из небытия ее сын Сергей Зарудный, а истинный Сергей Шевченко. Кстати, опознание Сергея Шевченко его теткой и ее мужем проводил я лично. Они категорически в один голос утверждают, что это Сергей Шевченко, а не Зарудный. В материалах веские и, я бы сказал, неоспоримые доказательства. А что у Зарудной? Только голословное заявление и больше ничего! Единственный документ у нее, которому нельзя не верить, — это извещение о том, что ее сын Сергей Зарудный погиб в Афганистане. Она или ошибается, что в лучшем случае, или преследует какие-то незаконные, возможно, корыстные цели, что в худшем случае. В своей жалобе гражданка Шевченко высказывает мысль, что Зарудная преследует корыстные цели, а именно имеет желание воспользоваться его пенсией...

Зачем же, Федор Ильич, мы будем копаться в делах давно решенных? Просто досадно попусту тратить время. Не так уж мы свободны, чтобы производить разного рода манипуляции.

Прокурор внимательно слушал своего помощника и молчал. Пользуясь молчанием шефа, Усольцев продолжал:

— Как же мы будем игнорировать прямые показания? Причем сам Шевченко, когда я лично проводил опознания, не заявил, что Зарудная его мать. Наоборот, он сказал, что никакая она ему не мать. Он даже топал ногами на нее и кричал обозлившись:

— Ты плохая! Уходи!

— Я, например, не вижу ничего такого, что могло бы опровергнуть эти прямые доказательства. Я...

— Товарищ Усольцев, — остановил своего помощника прокурор, — я ведь ни Зарудной, ни вам, ни кому-либо другому не высказывал свою точку зрения по этому делу, по поводу решения, принятого как милицией, так и прокуратурой.

— Я вас слушаю, товарищ прокурор, — сказал Усольцев, превратившись весь во внимание.

— Хотя мне уже теперь совершенно ясно, — продолжал прокурор, — что по форме этот вопрос решался неправильно: нужно было провести только расследование и подготовить дело для передачи в суд. А милиция и прокуратура по неизвестным для меня причинам, я повторяю: по неизвестным для меня причинам, не сделали этого, а решили подменить суд. Спрашивается, зачем и почему надо было обходить законное решение вопроса? Вот как раз к этой, высказанной мной, законной форме я и хочу рекомендовать решение этого запутанного дела.

— Другой вопрос, — продолжал прокурор, — подготовило ли следствие то, что может и должен рассматривать суд? Все ли сделано для уяснения судом всех шероховатостей этого дела? У меня создалось впечатление, что очень длительная проверка заявления Зарудной проводилась односторонне, только со стороны Шевченко, их данных, их свидетелей. Но ведь не Шевченко жалобщица, а Зарудная. Это значит, что проверка производилась не от источника жалобы. Не говорит ли это, что следствие было неполным, половинчатым?

То, что сказал прокурор, удивило Усольцева. Он знал, что подобные дела, конечно же, должны рассматриваться судом, но тогда во время проверки начальник милиции сказал ему: „Нам рекомендуется обойтись без суда”. Кем рекомендуется начальник милиции не сказал, но Усольцеву было очень даже понятно „кем”. И теперь, вспоминая это, он сказал:

— Вы и в самом деле хотите заниматься проверкой этих материалов? Жевать то, что уже несколько раз пережевано?

— Да, и еще раз, да! — сказал прокурор. — Надо все решить в свете закона, а не путем, обходящим законодательство.

Он внимательно посмотрел на Усольцева:

— Более того, как вы хотите, так и реагируйте на мое решение, но все эти материалы будут в производстве у вас.

— Помилуйте, Федор Ильич!

Прокурор многозначительно взглянул на него:

— Никаких „помилуйте!” Я вместе с вами буду участвовать в разработке плана проверки и следствия. Мы вместе приступим к распутыванию этого дела и вместе...

— Но я все же просил бы вас, — осмелился перебить прокурора Усольцев, — не поручать мне это дело. Я уже им занимался, и у меня сложилось отрицательное мнение по жалобе Зарудной. Я буду смотреть на дело предвзято, как говорят „воротить” свое. А у вас есть другие помощники, гораздо опытнее меня. Зубры. Пусть кто-нибудь из них, из более опытных, и займется проверкой... Я же вчерашний студент университета...

— Вообще, — как бы пропустив мимо ушей просьбу помощника, сказал прокурор, — вообще, для решения любых вопросов надо основываться не на предубеждениях, а на всестороннем изучении дела. Вам следует внушить себе, что с этими материалами вы никогда и

нигде не знакомились и только теперь начинаете проверку по вновь поступившему заявлению, что же касается меня, то я лично пока не берусь судить, какая из двух сторон права.

— Да, но... — продолжал настаивать Усольцев, — я не могу обманывать самого себя.

— Товарищ Усольцев, — чуть повысил голос прокурор, что означало неизменность его решений, — я не обвиняю вас в предвзятости при проведении расследования по делу Зарудной. И вы на этот счет можете быть спокойны. Совершенно спокойны! Речь идет не о вашей квалификации или предвзятости, а о новом настойчивом заявлении гражданки, что свидетельствует о неоконченности следствия.

9.

Отпустив Усольцева, прокурор задумался. Он понимал, что его помощник привел веские доказательства и аргументы. Но почему эти доказательства и аргументы не смогли убедить жалобщицу? По всему видно, что она умная и серьезная женщина и очень последовательна в своих доводах. А вдруг да она права! Если принятое решение ошибочно, то это непростительно. Очень даже непростительно. Ведь решается судьба молодого человека и не просто молодого человека, а возможно воевавшего в Афганистане...

Размышления его прервал телефонный звонок. Прокурор поднял трубку:

— Слушаю!

— Говорит начальник горотдела милиции подполковник Орехов, — раздалось в трубке, — здравствуй!

— Здравствуйте товарищ Орехов! Что вы хотели?

— Я вот только что пришел в свой отдел и мне доложили, что ты истребовал от нас материалы по жалобам Зарудной и Шевченко.

— Да! Эти материалы у меня.

— И что же вы намерены с ними вершить? Они не только тщательно проверены, что вряд ли можно подо что-либо подкопаться. А Зарудная просто хочет получить большую пенсию, якобы за инвалида войны в Афганистане. А он, этот самый ее вояка, и видом не видывал Афганистана.

— Это какой такой войны? — спросил прокурор.

Вопрос прокурора вовсе не обескуражил начальника милиции. Он отпарировал:

— Я не играю в прятки в кругу своих людей и привык называть вещи своими именами. А Зарудную мы раскусили. Милицию провести трудно. Я тебе еще не говорил, но сейчас скажу: этот материал был в областном управлении милиции. Наше решение там признано правильным. После разрешения жалобы в области, Зарудная пожаловалась в министерство и областное управление составило обстоятельную справку по ее жалобе и послало в министерство. Там тоже согласились с нами. Жаловаться Зарудной больше некуда. Все! Круг замкнулся. Потолок! Если она и дальше будет сутяжничать, то у нас есть законы пресекающие всякое сутяжничество. Мы заведем дело на нее. Привлечем к ответственности. Так что я тебя, как нового человека в городе, ставлю в известность. Если же ты не примешь моего доброго совета, то твои возражения против этого выясненного и окончательного решения будут не что иное, как мартышкин труд. Слышишь меня — мартышкин труд!

Начальник милиции видимо говорил через усилитель, и голос его звучал так громко, что дребезжали мембраны наушника и прокурор, пока говорил Орехов, положил трубку на стол и даже отодвинул ее на проти-

воположный край стола. Терпеливо выслушав начальника милиции, он ответил:

— Я еще детально не познакомился с материалами дела и не принял решения, что и как буду проверять. Но жалоба, есть жалоба. Составлять отписки опираясь на то, что расходится с законом, нельзя. Поэтому проверить жалобу необходимо. Могу уже сейчас не в упрек вам, а может быть и в упрек, сказать, что по форме жалоба рассмотрена неправильно.

— А как ее надо было рассматривать? — не то удивился, не то притворился удивленным Орехов.

— Следовало бы порекомендовать Зарудной обратиться в суд.

— От этого ничего не изменилось бы, материалы ведь те же самые, а кто решил это уже не важно. Это всего-навсего буква закона.

— Ну это ваше дело так рассуждать, товарищ Орехов! Пожалуйста не считайтесь с формой при осуществлении законности, но я буду опротестовывать подобные решения.

Орехов, до сих пор обращавшийся к прокурору по-панибратски на „ты”, вдруг перешел на „вы” и закричал сильнее прежнего.

— Вы забываете, товарищ прокурор, — да, да, забываете или, может быть, притворяетесь незнайкой, что на вас непохоже, но во всяком случае вы старательно обходите тот факт, что дело Зарудной — Шевченко это дело большой государственной важности. И оно затрагивает очень многое.

— Что оно, по-вашему, затрагивает? — спросил прокурор.

— По-моему, говорите, — кричал начальник милиции, — нет, не по-моему, а в действительности! Войну в Афганистане! Вот что оно затрагивает! Оно затрагивает то, что не подлежит никакой огласке. А суд это что, по-вашему? Не огласка? Мы не можем и не должны

передавать в суд дела, которые затрагивают в той или иной мере войну в Афганистане, наши потери там, и другие неприятности, вытекающие из участия наших войск в боевых действиях.

— А почему? — спокойно спросил прокурор. Но спокойствие уже давалось ему с трудом.

— Вы что? Мальчик! — возмутился вопросом прокурора начальник милиции, — или только на свет народились? Как вы можете не знать последствий, к которым приведет шум разбирательства этого дела и подобных ему в суде. Имейте в виду, что я вас предупредил, чтобы не зарывались, а там как хотите!..

Неприятное впечатление у прокурора оставил этот разговор. Получалось, что он защищая чьи-то личные интересы, нарушал при этом интересы государства.

— Может быть, — подумал он, — Орехов высказал не только свое мнение. Как ни странно, а перестройку и гласность встречают и еще долго будут встречать в штыки эти застойщики и начетчики, так укрепившиеся и в аппарате партии, и в аппарате государства. Но мы это дело так не оставим.

10.

В кабинетах прокуратуры зазвенел электрический звонок, возвещавший окончание рабочего дня. Как правило, строго по звонку покидал свой кабинет и прокурор. Однако рабочий день его на этом не заканчивался, он продолжался и вне кабинета. Не сразу можно было освободиться от мыслей о том или ином деле, которым он занимался, особенно если дело это увлекало его. Дело Зарудной—Шевченко было необычным.

И этой своей необычностью оно очень увлекало прокурора. Он знал, что мысли о судьбе Сергея Зарудного не оставят его весь вечер и, может быть, часть ночи. И чтобы не думать впустую, решил взять с собой в номер гостиницы все оказавшиеся в его распоряжении документы и материалы, которые надо досконально изучить.

В гостиницу, где он все еще жил одиноко без семьи, он вошел с объемистым портфелем, однако сразу же спрятал его в сейф, который был поставлен в номер специально для него. Он спустился на нижний этаж, чтобы поужинать в пригостиничном ресторане, но и сидя за столиком в ресторане, он думал о деле Зарудной.

После ужина он, как правило, отдыхал и лишь после отдыха работал. Но прилечь на диван еще не значит уснуть. Спать он не мог. Пролежав положенное время расслабившись, он почувствовал прилив бодрости и взялся за работу. Сначала перелистал папки, лишь внешне и мельком знакомясь с находящимися в них бумагами. Просматривая таким образом содержание папок, он обдумывал план проверки. Как и в прошлом, перед началом проверки, он ставил себе задачу. Поставил он ее и на этот раз. Задача заключалась в том, чтобы доказать, что Сергей Шевченко вовсе не тот, за кого выдают его жена и родственники. Он отдавал себе отчет, что задача эта не из легких и может оказаться невыполнимой. Что же тогда? Тогда он прежде всего сам должен убедиться, причем до конца убедиться, что Сергей Шевченко и есть Сергей Шевченко, что Зарудная ошибается. Убедившись сам, он должен убедить в этом Зарудную.

В папках действительно оказались все те документы, о которых говорил Усольцев. Прокурор задумался. Все было совершенно ясно. И не будь у него разговора с Зарудной, ознакомившись с документами, он пришел бы только к одному выводу, совершенно ясному и твер-

дому, что Зарудная неправа и ее требование надо отвергнуть. Но работая на протяжении нескольких лет с людьми, вызывая их на откровенные беседы, прокурор научился распознавать и их тайные мысли. В Зарудной ему бросилась в глаза неподдельная честность и глубокая, какая бывает только у матерей, боль за сына. Он не заметил в ней какое-либо притворство и потому решительно отвергал доводы, что она действует в низменных побуждениях прибрать к рукам больного человека и получать за него пенсионные деньги. Но если отвергнуть эту чисто материальную заинтересованность, тогда что же остается во всем этом запутанном деле? Оказывается решительно ничего!

Он, конечно, знал и не мог не предполагать, что в жизни часто встречаются очень похожие друг на друга люди. Он даже лично знал таких людей. Ошибиться поэтому могли как Зарудная, так и Шевченко.

Но то, что рассказывал Сергей Шевченко самой Зарудной, а потом ее знакомой на базаре, склоняло прокурора думать, что этот больной, забывший свое прошлое человек, может вспомнить какие-то просветы в своей биографии именно Зарудного, от кого-то услышанные. Ведь в большинстве своем душевно больные выдают себя за других людей, порой даже за известных всему миру. Но возможно ли это в данном случае? Ведь он же дефективный с детства? Но ведь и дефективность с детства бывает разная.

Конечно же для выяснения этого надо обратиться к врачам, к педагогам, к фактам.

Прокурор отдавал себе отчет, что если поверить Зарудной, то кроме всего прочего, будет необходимо опровергнуть сообщение о гибели ее сына в Афганистане. А как практически это сделать? В каком роде войск он воевал там? Извещение о его гибели скупо и не проливает свет ни на что.

Тщательнее, чем другие документы, прокурор осмат-

ривал и обдумывал акт составленный работниками милиции, в котором было зафиксировано, что Зарудная подписать его отказалась.

Отказ от подписи! Что это? Многие отказываются подписывать те или иные документы. И у каждого на этот счет свои мотивы. А какие мотивы были у Зарудной, когда она категорически отказывалась подписать акт? Ясно что. Зарудная отказалась от подписи только потому, что считала акт неправильным. Значит, она не видела в решении милиции правды. Значит, расследование, проведенное милицией, не было для нее убедительным. А что неубедительно для одного, то может быть так же неубедительным и для другого. Маленькая деталь — отказ от подписи! Но говорит она о многом. В данном случае, кроме всего прочего эта деталь говорит и о мужестве Зарудной. Она конечно же знала, что работники милиции за это ее не похвалят, но для нее это не было помехой. Главное для нее было в том, что она искала, на что надеялась. И прокурор, думая так, все больше проникался уважением к этой женщине и все больше хотел думать, что она права.

Однако эти его мысли о возможной правоте Зарудной были прерваны, когда в деле оказался документ, который как бы ужалил прокурора ядовитым жалом и мгновенно повернул все его помыслы на сто восемьдесят градусов. Таким документом было письмо земляка Сергея Шевченко, в котором говорилось:

„Я житель деревни, где родился Сергей Шевченко. Уже много лет я работаю на ответственных должностях в райисполкоме. Сергей Шевченко приезжал в нашу деревню с женой и заходил к нам. Кто же может утверждать, что он не Сергей Шевченко, а какой-то другой. Что же своим глазам не верить? Я решительно утверждаю, что он Сергей Шевченко. А ту гражданку, которая утверждает, что он якобы ее сын какой-то

Сергей Зарудный надо заставить перекреститься, а потом привлечь к ответственности. Она хочет что-то от этого иметь. Она вводит в заблуждение следственные органы и не дает больному человеку жить спокойно”.

Письмо это было для прокурора подобно стрелке на железнодорожных путях. Оно переводило мысли с одного пути на другой. Поезд в данном случае изменил бы свое направление и загремел бы по новому пути. Но логически мыслящий мозг прокурора остановился перед стрелкой. „А не тупик ли за ней?” — подумал прокурор.

Он вновь стал вспоминать рассказы Зарудной и недоумение все больше охватывало его. Показания Зарудной были настолько последовательны, стройны своим построением и так сильны, что понимать их двояко было невозможно. Ему пришла мысль, что письмо, которое он только что прочел могло быть поддельным. Однако это, учитывая грамотность жены Шевченко, маловероятно. Тогда в чем же тут дело? Может быть, какой-то умысел писавшего? Но подозрение, когда подозреваются все, вряд ли приводило когда-нибудь к истине.

— Нет и нет! Чтобы там ни было, — сказал себе прокурор, — а отказаться от проверки он не имеет права ни юридического, ни морального. Не имеет права он и изменить свою версию. Ведь если допустить, что Зарудная неправа, тогда не надо поднимать ее дело из архива. Но что же все-таки делать?

После некоторого раздумья он пришел к выводу о необходимости положить Шевченко в больницу. Но как это сделать? Жена его, конечно же, не даст на это согласия и будет отговаривать его от этого. Положить же в больницу вопреки его желанию и вопреки желанию жены нет никакого основания. И все же надо попытаться это сделать. Может быть, если это сын Зарудной, потерявшей память, врачам удастся в какой-то степени

восстановить потерянное.

Прокурор вспомнил, что Зарудной однажды удалось нащупать родинку на его темени. Надо поручить врачам проверить есть ли такая родинка в действительности. Может быть эта родинка — плод воображения Зарудной? Ведь сколько не искала она эту злополучную родинку потом, найти не могла. В связи с этим надо опросить другую женщину называющую себя матерью Сергея: знает ли она какие-либо приметы на теле сына?

После ознакомления с документами и другими материалами и размышляя по каждому из них, прокурор набрасал план проверки дела.

На следующий день, прямо с утра, он решил начать рабочий день с беседы с Усольцевым. Вызывать Усольцева не пришлось. Тот сам постучался в кабинет прокурора.

— Федор Ильич, — обратился он, — вчера я пытался отказаться от проверки, уже ранее проверенного мною дела Зарудной и Шевченко. Но вчера вечером я побывал у Зарудной и долго беседовал с ней. Она категорически считает решение, вынесенное по ее делу, неправильным. И конечно же у нее есть для этого основания. Работа проверявших жалобу, в том числе и моя, не удовлетворяет ее. После нашей беседы мне захотелось еще раз проверить проверенное, коснуться тех аспектов, которых не затронула проведенная проверка и рассеять или подтвердить убеждения Зарудной. Поэтому я зашел вам сказать, что я искренне согласен с тем, что именно мне вы поручаете производство этого дела. Одновременно я хочу просить вас, чтобы вы, учитывая мой вчерашний отказ, не подключали к этому делу других своих помощников.

Прокурор был доволен решением Усольцева и невольно улыбнулся. Он сказал:

Вчера вечером в своем номере гостиницы я дважды просмотрел все документы, тщательно изучая, а их

хотя и немало в этих двух папках, все же для решения вопроса окончательно многого не достаёт. Я пришёл к убеждению, что нам с вами предстоит очень кропотливая работа.

Он стал высказывать Усольцеву свои соображения о том, что надо делать в первую очередь, не откладывая ни на один день. Он высказывал свои сомнения и подозрения и в то же время, несмотря на эти сомнения и подозрения, веру в правдивость заявления Зарудной, указав Усольцеву на какие из имеющихся документов надо обратить особое внимание.

Окончив разговор об уже имеющихся в деле документах, он сказал:

— Необходимо тщательное медицинское и психолого-педагогическое обследование нашего подсудимого. Но прокуратура не вправе предложить ему лечиться в больницу против его воли и желания его жены. Возможно, тут необходимо настоятельное требование собеса. Работникам собеса надо порекомендовать, чтобы они заявили жене Шевченко, что крайне необходимо положить ее мужа в больницу и что это связано с получением в дальнейшем его пенсии. Эта мотивировка, мне кажется, не будет отвергнута ни самим больным, ни его женой.

Помолчав, прокурор спросил:

— А что думаете вы по этому поводу?

— Я согласен с вами, — ответил Усольцев, — сейчас же свяжусь с собесом и, не откладывая ни на час, начну проверку.

Прокурор передал ему обе папки со словами:

— Хорошо, поговорите с врачами. Пусть они ежедневно разговаривают с больным и, что крайне необходимо, пусть записывают свои разговоры с самыми мельчайшими подробностями. Им ведь могут показаться какие-то сообщения несущественными, для нас же будет важно все.

Вернувшись в свой кабинет, Усольцев уселся за изучение материалов. После вчерашней откровенной беседы с Зарудной много представлялось ему в ином свете. Он вовсе не изменил своего мнения о деле и по-прежнему верил в то, что Сергей Шевченко не Сергей Зарудный. И потому все, что заявляла ему Зарудная, он собирался не подтвердить, а опровергнуть. Однако Зарудная должна искренне поверить следствию. В этом состояла его задача.

— Зарудная должна понять, что извещениями о гибели воинов в Афганистане не играют в бирюльки. Сына ее погибшего в Афганистане никто уже не может вернуть к жизни. Он погиб.

После разговора с Зарудной, Усольцев также уяснил себе, что Зарудная настолько верит, что Сергей Шевченко ее сын, что разубедить ее в этом можно только такими доказательствами, которые будут для нее ясными и неопровержимыми.

Теперь просматривая документы дела, Усольцев невольно сопоставлял их с рассказами Зарудной, и он то внимательно вчитывался в каждое слово документов, то выходил из-за стола и волнуясь медленно шагал, а то и почти бегал из угла в угол своего кабинета.

Его волновала настойчивость Зарудной. Она мать, — говорил он сам себе. И представлял себе какими должны быть в этом случае ее переживания. Он сочувствовал ей от всего сердца, но... Что можно поделать с действительностью! И в то же время он понимал, что доводы Зарудной тоже весьма серьезны. Но ведь не предчувствиям надо верить, как бы стройны и похожи на правду они не были, а фактам. И все же переживания и муки этой женщины брали его за сердце, теребили душу.

— Ей надо помочь выйти, — думал он, — из того

замкнутого круга мучительных заблуждений, в котором она оказалась, может быть даже, по своей вине. Чтобы повернуть следствие в ее пользу не может быть и речи. Ведь даже если рассуждать чисто по-человечески: Шевченко живет в ужасных условиях и, как всякий человек, не может не желать для себя лучшего положения. Таким благоприятным поворотом в его судьбе было бы признание Зарудной матерью. Однако он отказывается признать ее матерью.

К концу дня Усольцев вновь зашел в кабинет прокурора. Он положил ему на стол лист бумаги и сказал:

— Подпишите, пожалуйста, запрос в справочное бюро службы о раненых и больных Министерства обороны.

Прокурор взял документ и внимательно прочитал его. Во время чтения неожиданно вспомнились слова начальника милиции: „Имейте в виду, что я вас предупредил!”

И вспомнив это, он вычеркнул из запроса последнюю строчку, объясняющую для чего прокуратуре нужны запрашиваемые сведения.

Усольцеву он сказал:

— Я полагаю, что не нужно посвящать работников справочного бюро Министерства обороны в каких целях мы это запрашиваем. Но... ответят ли они нам без ссылки на это?

Он постучал толстым концом ручки по краю документа и отбросил в сторону ручку, но тут же вновь взял ее.

— Впрочем... Оставьте все как есть.

И перейдя на повышенный тон сказал:

— Пойдем ва-банк!

Слова эти были непонятны Усольцеву, так как он ничего не знал о разговоре своего шефа с начальником милиции.

После беседы с прокурором и встречи с его помощником, у Зарудной появилась надежда и ее снова потянуло к той, ставшей ей родной, калитке у водоразборной колонки на улице Верхний вал. Ей хотелось увидеть своего Сережу. Хотелось сказать ему что-то особенное, хотя она и понимала, что из сказанного ею он половину не поймет, а что поймет, по-прежнему не примет. И все же ей непременно еще раз хотелось сказать ему:

— Ты сын мой Сережа! Родной и бесконечно дорогой! И скоро, теперь уже скоро мы будем снова вместе.

— Кто знает, — думала она, — может быть... вполне может быть... даже очень может быть... и теперь уже скоро, предстоящая проверка покончит с ее страданиями.

Полной уверенности после стольких бесполезных хождений и мытарств у нее, конечно, не было. Сомнения в человеческом сердце всегда живут рядом с надеждами. И даже надежды кажутся — вот они, рядом, — а в сердце все же стучится сомнение.

Рассудком она допускала, что воссоединение ее с сыном может и не получиться. Слишком тяжела оказалась борьба за это. Но сердце матери порой способно видеть дальше рассудка. И оно уже видело, торжествовало, радовалось и будто уже пело победную песню. Но и разумом она понимала, что появилась новая сила, которая может и должна решить ее вопрос только положительно. Силой этой было новое веяние. И оно, это новое веяние, появилось не только в их городе, но и во всей стране. И пусть Зло еще делает свое черное дело, но Правда уже стучится в двери народного сознания. И все, до того оболганное и изболевшееся, оживает и поднимает голову. Новый ветер дует по стране, и он поворачивает властителей лицом к людям.

Представителем этого нового веяния был для Зарудной новый прокурор, мыслящий совсем не так, как старые начальники. Вниманием к ее беде новый прокурор покорил ее и вместе с тем приободрил, воскрешая то, что уже угасало в ней.

Но она понимала, что таким в городе пока что был только он один — этот новый прокурор. Хватит ли у него силы и воли, чтобы противостоять укоренившемуся за много лет злу? Ей очень хотелось, чтобы сил у него хватило.

Но тут же в голову ей приходили мысли о другом. О той матери, которая считает родного ей Сереженьку своим сыном.

— Может быть, — рассуждала Зарудная, — не лукавит она, та мать. Ведь бывают люди похожие друг на друга. Бывают! И может быть тут такой случай. Что тогда? Но почему она согласилась на брак своего сына с этой стервой? А впрочем, какая же другая пойдет за него? Может быть для него и эта стерва — счастье. Мать не может ему служить вечно. А эта хоть и очень плохая, но живет же он при ней, не умирает! И все же... Нет, нет... Эта женщина не заслуживает и такого мужа...

Но мать есть мать. Как судить о ней? Конечно же она думала о том, что ждет его впереди после того, как ее не станет на этом свете. Единственный выход она видела в женитьбе непригодного, не приспособленного для жизни сына. И вот нашлась женщина, пожелавшая стать его женой. Пусть у нее тысяча недостатков. Все равно это радость для матери. Сын ее, беспомощный и неполноценный, обрел в этой женщине верную или неверную, но спутницу и может жить не под материнской опекой, а под опекой этой женщины... Это тоже какого-то рода счастье для измученной матери...

Если это так, — думала Зарудная, — то мать Шевченко искренне ошибающаяся заступница за того, кого она считает своим сыном. Может быть, так же искренне

ошибаются и сестра матери и ее муж, и другие свидетели противной стороны. Все это допустимо, все это может быть...

О том, что ошибается она, именно она, а не та мать, Зарудная и думать не хотела.

Но чем доказать свое материнство?

И мысленно она снова и снова обращалась к новому прокурору:

— Он не чета старым! Он докажет! Он сделает!

Но куда, пока это все будет расследоваться и решаться, куда девать сомнения и мучительность ожидания?

Испытывая, будто уже предстоящее наверняка, торжество будущей правды и осуществленной надежды, Зарудная жила тем далеким, а быть может теперь уже и близким временем, когда материнское чувство ее получит свое удовлетворение.

С такими чувствами она подошла к знакомой нам калитке, раскрыла ее и вошла во двор. У нее кружилась голова, ее качало ветром, но она крепилась и шла. Она шла к родному сыну, к своей кровинушке.

Шла она вдоль внутриворонного штахетника, перебирая правой рукой по его верху и держась за его планки. Она останавливалась и оглядывалась вокруг. Ее почему-то начинало тошнить. Может быть оттого, что уж очень кружилась голова.

Начинались сумерки, и во дворе не было ни души. Вокруг все неумолчней звенели цикады. На небе ни облачка. Вверху над самой крышей дома, к которому шла Зарудная, еле заметно слезилась только одна звездочка.

Большая черная кошка медленно шла ей навстречу, и вдруг, когда она почти поравнялась с ней, прыгнула на верх штахетника, а потом с него вниз, в чей-то крошечный огородик и скрылась в высокой картофельной ботве. Замяукала оттуда скрипяще, как мяукают толь-

ко старые коты.

Зарудной это показалось дурной приметой, сердце ее упало, и она перекрестилась, проговорив:

— Да воскреснет Бог, да расточатся врази его...

Потом подумала: „Может вернуться? Что-то сердце беспокойно... Беду какую-то чувствует...”

И ей уже хотелось вернуться, что-то заставляло ее это сделать, но думая, что ей надо вернуться, она все же шла вперед, перебирая рукой по верху штакетника, и глаза ее неотрывно смотрели на заветную дверь заветного дома, где находится Он.

— Хорошо, что двор пуст, — думала она, — и нет посторонних. Не надо бы теперь лишних глаз.

И то, что нет посторонних, а значит и нет лишних свидетелей, вроде как приободряло ее, и она нашла в себе силы, чтобы идти быстрее, рука ее чаще стала перебираться по верху штакетника.

Когда уже подходила к заветной двери, — дверь эта вдруг распахнулась и из нее выбежала черная без единого пятнышка дворняжка. Лая и визжа, собака шаром подкатилась ей под ноги и сразу же вцепилась зубами в подол платья. Яростно мотая головой из стороны в сторону, собака рвала платье и в то же время захлебывалась в лае и визге.

Из настезь распахнутых дверей не вышла и даже не выбежала, а выпрыгнула, выбросилась жена Шевченко. В руках у нее было наполненное до краев помойное ведро. Она, подкинув ведро, выплеснула помой на Зарудную, обдав ее ими с головы до ног. На платье ее повисли грязные и мокрые остатки пищи и что-то вонючее, смердящее.

Размахивая пустым ведром, Шевченко кричала:

— Убирайся вон отсюда, гадина! Уматывай, пока я тебе это ведро, в которое се.. и сс.., на голову не одела! Вон!.. Вон с нашего двора!

Лаяла собака, кричала злая женщина, звенели ци-

кады, шумели деревья, а справа и слева со стуком распахивались окна соседних квартир и из них высовывались простоволосые головы любопытных.

Зарудная перестала отбиваться от собаки. Злая женщина была страшней собаки. И все же она выговорила:

— Где мой... Где ваш... Сереженька где?

— Сереженька где? — крича на весь двор, переспросила Шевченко, — тебе, старая потаскуха, видней где он! Куда ты его задевала, ведьма? Говори, гадина, пока я тебя не затерзала? Говори!.. Его со вчерашнего утра нет! Не ночевал он дома! Твои это дела, змея подколодная? Говори!

— Это... Это правда?.. — подавленным голосом спросила Зарудная.

В голове сразу же замелькали страшные мысли: „Убогий он... Может не знай что натворить... может и в аварию попасть, движение-то на улицах теперь вон какое!”

По вопросу Зарудной, по растерянному выражению ее лица, Шевченко поняла, что Зарудная ничего не знала об исчезновении Сергея и прекратила свою ругань, как бы осеклась. Ответила она, хотя и глядя исподлобья, но все же несколько примирительно:

— Зря буду говорить, что ли?

Она схватила собаку за ошейник и швырнула в сени квартиры. Швырнула так, что в сенях собака обо что-то ударилась и начала жалобно взвизгивать.

Зарудная оглядела порванный подол платья, насколько можно запахнула рваное место и, круто повернувшись, пошла прочь со двора.

Прошедшая сцена, взвинтив ей нервы, вроде как должна была поубавить ей силы, а она, наоборот, уходила со двора быстрее, чем пришла, и уже не держась рукою за штaketник. Может быть, это было потому, что страшное осталось позади, и она теперь шла домой,

где живет ее брат, который умел находить для нее слова утешения.

Из дверей, из окон соседних домов на нее глядели любопытные. Некоторые из них выкрикивали:

— Чего ищешь, бессовестная!

— Живут они и пусть себе живут! Покоя им не даешь!

И чей-то очень злой и насмешливый голос произнес:

— Глупая ищет глупого!

Высунувшиеся из окон головы захохотали при этих словах. Шутка была острая, и тот же голос насмешливо изрек:

— Инвалида не поделили!

— И не стыдно ей!

Зарудная слышала все это, но шла с высоко поднятой головой. Шла легко, но когда миновала калитку, вдруг почувствовала усталость, какую еще не чувствовала никогда.

— Старость, что ли? — подумала она.

Но не в старости было дело, а в нервотрепке, которая изматывала ее силы до предела.

Она опустилась на лавочку около водоразборной колонки, той самой, где впервые встретила своего несчастного Сереженьку. Откинувшись к спинке лавочки, она широко распахнула руки и положила их на верх спинки и вдруг услышала, как тяжело и часто бьется ее сердце:

— Сердце! — подумала она, прислушиваясь к ударам в груди, — никогда еще оно так не билось.

И вдруг вся она напряглась. Перед ней был ее Сереженька. Это было видение, бред ее больного воображения. Но она не могла понять, что это — видение или бред. Сын был перед ней такой, какого она видела и знала, живой, настоящий. Он поставил под кран пустое ведро и открыл кран. В дно ведра ударились струя воды, светлые шарики брызнули через край ведра.

Шум воды, бежавшей из крана, напомнил ей шум большого ливня. И шум этот вывел ее из оцепенения. Видение исчезло так же, как появилось. Она только успела заметить, что уже не ее Сереженька, а прозрачная, тихо светящаяся тень его мягко и не слышно скользнула за угол водоразборной будки. И тут словно ветром подхватило Зарудную, она кинулась за будку. За будкой никого не было.

— Как же так? — проговорила она, — куда же это он исчез...?

Она обежала колонку вокруг в одну сторону, потом в другую...

И вновь почувствовала усталость, вновь присела на лавку.

— Родной ты мой, — проговорила она, обращаясь к сыну, которого не было рядом, — если б ты знал, если б понимал, как я страдаю! Боже! Как мне тяжело! И наступит ли когда-нибудь конец этому страданию?

Дома ее ждали новые потрясения и неожиданности.

13.

От Верхнего вала, на Правобережье, до озера, в которое упирался конец улицы Бучмы, где жила Зарудная, весной ввели новый автобусный маршрут номер тридцать четвертый. Остановка его на Верхнем вале была как раз около той водоразборной будки, где находилась Зарудная.

Салон автобуса, как это часто бывает на начальных остановках, оказался совсем пустым и Зарудная присела на переднее сиденье, у стекла, отгораживающего кабину водителя от салона.

Автобус мерно покачивало. Путь был далекий, и Зарудной не хотелось наблюдать ни за чем в пути. Она не следила даже за остановками, сидела с закрытыми глазами и будто дремала. Но не дрема охватывала ее, а беспокойство. Беспокойство все росло и, когда автобус миновал Днепр, она открыла глаза и поднялась. Находиться на переднем сиденьи почему-то, она не знала почему, ей было беспокойно. Она встала и перешла в конец автобуса, усевшись на последнем диване, не разделенном на места. Но там беспокойство охватило ее с еще большей силой. И ей вдруг показалось, что автобус идет очень медленно, медленней, чем если бы она шла пешком. Она быстро поднялась с места, подошла к средней двери, вцепилась в оба поручня, а когда автобус остановился и двери перед ней распахнулись, выпрыгнула на тротуар и бросилась бежать вперед. Автобус обогнал ее, но она этого не заметила и бежала все быстрее и быстрее. У нее не было сил, но она бежала, задыхаясь и спотыкаясь.

У своего дома, в свете уличного фонаря, она увидела двух солдат и девушку. С ними был и Сергей. Она сначала не заметила его, он стоял за столбом. Когда она подошла к солдатам, он вышел из-за столба. Увидев его, она онемела. Забило сердце. Она перекрестилась.

- Неужто опять видение, — подумала она.

Но на этот раз это было не видение.

Кивком головы Сергей указал солдатам на нее, коротко промолвив:

- Вот!.. Вони!..

Сказав так, он согнулся и низко опустил голову.

Правая рука его зачем-то поднялась и вытянулась на уровне плеча, и он стал сильно трясти кистью, будто хотел оттрясти от руки пальцы. Потом этой трясущейся рукой он обнял столб, около которого стоял и принялся бегать вокруг него, а сам все наклонялся ниже и

ниже и зачем-то внимательно разглядывал асфальт, словно ища и не находя на нем что-то.

Зарудная стояла в нерешительности, не зная, что предпринять и что сказать. Рядом оказалась высокая девушка, которая взяла ее под руку. Холодные руки девушки сжимали ее руку до самой кости. Девушке, видимо, казалось, что Зарудной плохо, и что она может упасть.

— А мы к вам, — наклоняясь к ней и заглядывая в глаза сказала девушка.

— А что такое? Что? Он что-нибудь натворил? — как бы перебивая сама себя спрашивала Зарудная, подаваясь в сторону столба, вокруг которого все крутился Сергей. Ей очень хотелось дотронуться до сына рукой, провести по руке, плечу, лицу... Но девушка крепко держала ее под руку и не давала двигаться.

— Нет! Пока он еще ничего не натворил, — вместо девушки ответил на вопросы Зарудной солдат, который все это время старался быть ближе других к девушке. Он перевел взгляд с девушки на Сергея, потом на Зарудную и добавил:

— Но мог бы натворить! — сказав это, он стал серьезным и, как показалось Зарудной, даже злым.

Наконец, освободившись от девушки, Зарудная подошла к Сергею и протянула к нему руки, но он отбежал от нее в сторону шага на три или четыре и стал глядеть испуганными, как затравленный зверек, глазами. Она сделала шаг в его направлении, но он попятился. Она шагнула еще, он попятился снова.

— Понимаете, — стал рассказывать один солдат, тот, что старался стоять поближе к девушке, а теперь обнимал ее, — идем мы по берегу и видим кто-то сидит на камнях в тени моста. Подходим, а это он. Хоть и старенькая шинелишка на нем, но все же шинелишка, и мы подумали: „Свой брат, солдат, только конечно бывший. Но солдат же!” А он оказывается занимается

не солдатским делом — плачет. Сидит на камне, уткнул голову в колени и хнычет, причитает что-то, а что не понять. Мы спрашиваем его: „Что с тобой, солдат, что тут делаешь?”

Он хотел ответить нам и не мог, волновался очень. Потом постепенно успокоился и стал, хотя и путанно, но отвечать на наши вопросы. И знаете, зачем он пришел к Днепру? Оказывается, чтобы утопиться. Но все никак не осмеливался прыгнуть в воду. У него оказывается есть жена, только злая и жестокая. Он не то что не любит ее, а ненавидит. Вот и ушел от нее. Не выдержал ее издевательств и ушел. Решил было ехать в Новгородскую область, там, якобы, у него мать и два брата. Но там ему тоже плохо. Там тоже издеваются над ним, не любят его. К вам же идти он не хотел, потому что когда-то обидел вас и боится, что, хотя вы и добрая, но не примите его. Если же вы примите, то жена все равно найдет его и убьет, так как она знает, где вы живете. Мы кое-как расспросили его, узнали от него ваш адрес и вот привели...

— Спасибо, солдатухи, за вашу доброту, — еле выговорила Зарудная, — а солдатом вы его правильно посчитали. Он воевал в Афганистане и вот...

Она хотела что-то еще сказать, но Сергей как только услышал от нее, что он воевал в Афганистане, вдруг припустился бежать и от нее, и от солдат. Но солдаты догнали его и опять привели к дому Зарудной. Он не сопротивлялся, но глаза его стали дикими, на губах появилась пена.

— Вот видите, — сказала Зарудная солдатам, — это наверно от кантузии. Не легко далась ему эта Афганская война, да разве ему одному...

Ее давили слезы, она качала головой и закрывала лицо руками.

— Ну что же нам делать с ним? — спросила девушка, обращаясь к Зарудной, — по всему видно, что он у вас

не останется. Он почему-то боится вас.

Зарудная, будто бывшая в полузабытье, встрепенулась и вздрогнула. Ей вдруг так захотелось, чтобы и девушка и солдаты, а с ними и ее Сереженька зашли к ней в дом. Она сказала:

— Пойдемте, солдатушки, и ты, девушка, и ты, Сереженька, в хату, я самовар поставлю!

— Да у нас уже увольнительные горят! — в один голос воскликнули солдаты.

— Им уже никак нельзя, — подтвердила девушка.

— Ну хоть на минутку, — настаивала Зарудная, — пойдем Сереженька.

Ей пришло в голову, что если они сейчас все четверо войдут к ней в дом, то Сергей может быть и останется у нее...

Солдаты колебались. В это время вынырнули из темноты и подошли к ним три женщины: сама Шевченко и с ней две ее подруги. Одна — круглолицая, с узкими плечами и широкими бедрами, похожая на пирамиду. Было нетрудно определить, что она относится к той породе женщин, про которых говорят: „бой-баба”. Другая — миловидная, тонкая, без зада, будто доска. От всех троих несло перегаром сивухи, и они нетвердо держались на ногах.

— Вот он где, красавчик мой, — сразу заговорила Шевченко. Язык ее заплетался. Она пошатнулась и, чтобы не упасть, схватилась обеими руками за Бой-бабу.

— А ты... ты... брех-ха-хала мне с-сука, что не знаешь, где он... Что, стерва.., — шипела она.

Вдруг она оторвалась от подруги и, протрезвев от злости, сжала кулаки и стала наступать на Зарудную.

— У-у-у-у! У-у-у-у! Глазища твои бессовестные, так вот и выколю их вот этими пальцами...

Она разжала на обоих руках указательные пальцы и мизинцы, приготовив их воткнуть в глаза Зарудной.

Зарудная, закрывая глаза согнутой рукой, попятилась от нее.

У-у-у! У-у-у! — наступала Шевченко.

Бой-баба в это время бросилась к инвалиду. Схватив его за руку, она заговорила торопливо, крикливо и в то же время ласково:

— Сереженька! Миленький ты наш! А мы тебя искали, искали! И плакали, плакали! Ну прямо слезами по тебе изошли, родной ты наш! Пойдем, миленький, домой!

Инвалид отстранялся от нее, но она наступала на него и хватала то за одну, то за другую руку:

— Все будет хорошо, миленький, все будет хорошо, — уговаривала она его, — Ксюша твоя теперь спать будет с тобой, чужие мужики не будут к ней приходиться... Уж так она исстрадалась по тебе, когда ты ушел... Пойдем, миленький, пойдем!

Видя, что муж ее вырывается из рук подруги, и, чего доброго, может и убежать, а потом ищи его как ветра в поле, Шевченко, которая все тыкала пальцами в глаза Зарудной и все не попадала, оставила Зарудную и кинулась на помощь подруге. Она обняла Сергея и залепетала:

— Люблю я тебя, беспутный ты мой! Хоть убей меня, окаянную, люблю тебя, сердечко ты мое, жить без тебя не могу, слезинка ты моя горькая, огурчик мой свеженький, только что с грядочки...

Женщины потащили инвалида к автобусной остановке. Он не сопротивлялся. Нет на свете человека сильнее жены, казалось ему, и сопротивляться было бесполезно. Но ноги его заплетались и волоклись по земле.

— Да что же они делают-то над ним! — закричала Зарудная.

Она ринулась догонять сына, не отдавая себе отчета, что ей не справиться с тремя сильными пьяными женщинами. В голове вертелось одно: „надо спасти сына!”

Но если ничего не понимала она, то все хорошо понимала стоявшая рядом с ней девушка. Она ухватила Зарудную за руку и крикнула солдатам:

— Не давайте его им!

Инвалид посмотрел на солдат умоляюще.

Приказ девушки был законом для солдат. Они мгновенно нагнали женщин, тащивших инвалида, и вырвали его из их цепких рук.

— Мы его в обиду не дадим, — спокойно сказал один из них. — Он хотя и инвалид, но бывший солдат. значит наш брат и никаких гвоздей. Мы его спасли. Он хотел утопиться... Не мудрено от жизни с такой женошкой!..

— Утопиться? — недоуменно воскликнула Шевченко.
— Да он же любит меня больше всего на свете!

— Знаем мы эту любовь. Мы его спасли, нам и решать как с ним поступить. Мы его забираем в свою часть. Командование решит что с ним делать. А вас в отрезвиловку надо отправить. Там вас живо отрезвят! Там умеют!

— Боже! Боже мой! — раздался в это время крик Зарудной. Голос ее звучал приглушенно, как бы из-под земли. Ее кренило в сторону. Вдруг она повалилась на тротуар и стала биться головой об асфальт.

Пьяные женщины, увидев, что солдаты отвернулись от них, скрылись за углом.

Бросившаяся на помощь Зарудной девушка, схватила ее руку и стала нащупывать пульс.

— Скорую помощь! Скорей! Автомат у автобусной остановки!

Пока ждали скорую помощь, Зарудная пришла в себя. Девушка помогла ей подняться. Ехать в больницу Зарудная решительно отказалась. Она тихо произнесла:

— Брат в вечернюю сегодня.., а то бы он их... Не миновать бы им милиции и вырезвателя...

Дежурный по части, в которой служили солдаты, своим решением оставил инвалида ночевать в казарме. Сергей был доволен, когда ему предоставили отдельную солдатскую койку. Он морщил лоб, видимо, силясь что-то вспомнить и улыбался. И вдруг совершенно серьезно и испуганно спросил соседа по койке:

— А судить меня не будут?

— За что?

— За дезертирство?

— Да какой из тебя дезертир, — засмеялся солдат, — спи спокойно!

Утром дежурный позвонил в милицию и попросил решить вопрос о безопасности инвалида.

Те же солдаты, что нашли его, сопровождали и в милицию. По пути они дружески хлопали его по плечу и смеялись. Смеялся и он, может быть, впервые после долгих бедовых лет...

В милиции приняли инвалида, но так как начальника не было еще на работе, решать что делать с ним было некому. Ему предложили сидеть в дежурке и ждать.

Пришедший вскоре начальник выслушал рапорт дежурного, с явным неудовольствием посмотрел на инвалида и раздраженно сказал:

- Опять эти Зарудная и Шевченко. Вопрос о материнстве решен нами окончательно и признан правильным всеми вышестоящими инстанциями, вплоть до министерства. Позвоните в паспортный стол, чтобы начальник вызвал к себе Зарудную и еще раз, причем в последний раз, толково разъяснил наше решение и строго предупредил, чтобы она прекратила сутяжничать, иначе плохо ей придется. Так пусть и скажет от моего имени. „иначе плохо будет”. А жену этого хлюста тоже надо предупредить, внушить ей, что муж ее — больной человек, и пусть она получше присматривает за ним. Только на ее месте и хорошая жена потеряла

бы терпение. Одним словом, вызовите ее в милицию и передайте ей этого хлюста под расписку. Обязательно под расписку. Он же не человек...

Но посланный к Шевченко милиционер не застал ее дома. Пока ее разыскивали, в милицию пришли два представителя собеса. Оказывается, дежурный по воинской части позвонил не только в милицию, но и в собес.

— Нельзя давать в обиду бывшего солдата, — заявил он начальнику собеса.

Но к удивлению дежурного, начальник собеса ответил ему, что знает Шевченко не как солдата, а как дефективного с детства.

— Какой он к дьяволу солдат, — процедил начальник собеса.

15.

На другой день Усольцев вошел в кабинет прокурора сияющий.

Шевченко положили в больницу! — сообщил он, как нечто сенсационное.

Но прокурор об этом уже знал.

Усольцев уселся на место в углу, образуемом письменным и приставным столами. Прокурор закрыл папку, которую просматривал, отодвинул ее в сторону, и, сомкнув кисти рук, закрутил большими пальцами, вертя их один вокруг другого.

— Ну-с! Была у меня Шевченко. Протестовала. Они собрались ехать в Новгород, к его родителям, а мы его — в больницу. Мол, как так! Спрашивая, она то краснела, то бледнела.

— Что же вы от прокурора хотите? — спросил я ее, — отменить заключение врачей? Этого я не в силах сделать. Она расплакалась, а потом, вроде как, с угрозой: „Вы хотите загубить человека, вы издеваетесь над ним!“

С тем и ушла, в полной уверенности, что в больницу ее мужа положил прокурор. А ведь на этот раз то, что хотели сделать мы, сделали без нас. Молодцы собесовцы. Но тут дело, конечно, не в них. Этого настоятельно потребовал дежурный воинской части.

Усольцев достал из папки какую-то бумажку и показал ее прокурору.

— Это врачебное заключение. Я уже съездил в больницу. Диагноз у инвалида — хронический энцефалит. А вот дальше: „на наружной поверхности правой голени рубец пять на пять сантиметров, на наружной поверхности левой стопы рубец два на два сантиметра. Предположительно оба шрама от ранений.” А тут дописка: „причина инвалидности в связи с пребыванием на фронте не установлена, ввиду отсутствия документов”.

— Н-да-а! — протянул прокурор. — Значит ввиду отсутствия документов? Здорово написали, ничего не скажешь! А если б были документы, то зачем нам медицинское заключение? Кстати, вы уже послали прокурору Новгородской области нашу просьбу о том, чтобы взяли показания у матери больного об особых приметах ее сына?

— Да.

— С учетом этого медицинского заключения?

— Нет, конечно! Это заключение я только что взял.

— В таком случае пошлите дополнительную просьбу. Пусть там спросят: какие и где имеются у ее сына повреждения.

— Беда в том, что происхождение этих повреждений неизвестно. Инвалид продолжительное время скитался, не находился дома. Вполне возможно, что он получил повреждения во время своих скитаний. Тогда мать может и не знать о них.

Усольцев достал из папки другую бумажку.

— Вот еще справка. На первый взгляд вроде существенная, так как в ней говорится, что на темени

инвалида есть крупная родинка. Это совпадает с показаниями Зарудной.

— Это уже что-то! — сказал прокурор.

— Но если учесть, — продолжал Усольцев, — что Зарудная говорила об этой родинке после того как самостоятельно нащупала ее у больного во время встречи с ним на базаре, то, в таком случае, эта справка ни о чем не говорит...

— Это уже что-то! — повторил прокурор.

Прошло три дня.

И опять рано утром к прокурору попросился Усольцев. Он заметно волновался.

— Был я вчера в больнице, разговаривал с врачами. Они сообщили, что Шевченко рассказал им почти слово в слово то, что рассказывал знакомой Зарудной. Больше того, он сообщил очень интересную деталь. Об этом он потом рассказывал и мне. Оказывается в начале службы в армии, его часть была на берегу Хопра, под Балашовым Саратовской области. И там он, представляете, женился на девушке, проживающей в пригороде Балашова, в рабочем поселке Пинеровка. Звать ее Галина Бучкина. Отчества он ее не помнит, но помнит, что отец ее был „командиром” станции Пинеровка. Он так и сказал: не начальником, а командиром.

— И врачам так сказал: „командиром”? — спросил прокурор.

— Да.

— И они зафиксировали это?

— Конечно! Я думаю разыскать эту его жену и запросить объяснения. Надо связаться с прокурором города Балашова Ушаковым. Кстати, он бывший мой однокурсник. Пошлю ему две фотографии Сергея, в том числе одну последнего периода. Но вот в чем загвоздка. Как прокурор города Балашова должен называть его при беседе с Галиной: Сергеем Зарудным или Сергеем Шевченко? Ведь...

Прокурор перебил его.

— Давайте так сделаем: пошлем вашему другу прокурору Ушакову официальную просьбу. А вы, в свою очередь, напишите ему личное письмо и подробно объясните что и как. Пусть он сам сориентируется, когда будет беседовать с Галиной Бучкиной.

— Может быть одновременно послать запрос и в городское справочное бюро? — спросил Усольцев.

— Зачем же? Ушаков и так не обойдется без справочного бюро. А если ему позвонят из справочного бюро, что они тоже получили запрос, то он может истолковать это как недоверие к нему. Ведь ему там легче наводить справки в собственном хозяйстве.

Перед тем, как выйти из кабинета прокурора, Усольцев сказал:

— А я все-таки и дальше буду поддерживать версию, что он Сергей Шевченко, а не Зарудный.

— Все может быть, все может быть, но если... если вопреки имеющимся у нас документам, он все же окажется Сергеем Зарудным, а я склонен думать, что это так, то какова цена всем этим извещением о гибели наших парней в Афганистане и каково заверение наших местных органов власти о том, что они проявляют отеческую заботу о жертвах войны в Афганистане. Центральные органы власти тут, конечно, не причем. Каково ваше мнение, товарищ Усольцев?

— В боевой обстановке все возможно, Федор Ильич, — уклончиво ответил Усольцев, — но я не думаю, что извещение о гибели Зарудного было ошибочным. Скорее всего ошибается Зарудная. Иначе...

Он не договорил что именно иначе... и махнул рукой.

Уже в дверях прокурор остановил Усольцева:

— Когда вы разговаривали с Сергеем в больнице, не заметили ли улучшения его состояния?

— Вроде да, — ответил Усольцев, прикрывая откры-

тую дверь, – он стал лучше произносить слова и живее реагировать на окружающее, лучше слышит. А главное, больше стал вспоминать. Очень доволен обстановкой в больнице и вниманием к нему.

– Дай-то Бог! Дай-то Бог! – задумчиво произнес прокурор.

16.

Через две недели поступили материалы из Новгорода и Балашова. В материале, полученном из Балашова говорилось:

„Сообщаю, что гражданки Бучкиной Галины (отчество вами не сообщено) проживающей в городе Балашове, не значится. Прилагаю справку адресного бюро. В числе ранее прописанных и выбывших также не значится. В этих целях проведена проверка архива помощником прокурора Провоторовым и работником городского адресного бюро Калининым.

*и. о. прокурора города Балашова,
Саратовской области, Мешков.*

Прочтя документ, прокурор оторопел.

– Выходит за нос водит нас этот страдалец. Единственная ниточка оборвалась.

Он вызвал Усольцева и сказал ему раздраженно:

– Выходит этот Сергей не то Шеченко, не то Зарудный – фантазер большой. Вот, прочтите пожалуйста.

Читая справку, Усольцев спросил как бы самого себя:

– А почему документ подписал и. о. прокурора

Мешков, а не сам прокурор Ушаков? Куда же делся мой друг? Ничего не могу понять, Федор Ильич! Тут что-то напутано. Но кем? Нет, подождите, подождите...

Он ударил себя пальцем по лбу.

— Да, да! Я во всем виноват! Я напутал. Ведь Шевченко в разговоре со мной не называл свою бывшую жену Галиной. Он называл ее Галей. А ведь Галя — это не обязательно Галина, к тому же у него украинское произношение. А на Украине Галя это Анна, или вернее — Ганна.

— Вы говорите у Шевченко украинское произношение?

— Да.

— Это интересно. Говорит ли кто-нибудь в семье Шевченко с украинским акцентом? Проверим, проверим. А ответ из Балашова, значит, вас не удовлетворяет?

— Конечно, Федор Ильич.

— Тогда что же, новый запрос?

— Обязательно, Федор Ильич!

Усольцев был возбужден, обижен, обескуражен ответом из Балашова и тем, что сам обнаружил свою собственную ошибку: „ведь знал же, знал, а поди ты... не подумал как следует”.

— Новый запрос, товарищ Усольцев, готовьте в два адреса: прокурору города Балашова и в адресное бюро, но не городское, а в областное — Саратовское. Балашов город областного подчинения, в него близлежащие села и даже пригороды могут не входить. А эта ваша Пинеровка, как я заметил по карте, находится от Балашова километрах в пяти и по другую сторону Хопра. В черту города она, наверняка, не входит. И еще: если мать получила извещение о гибели сына в Афганистане, то очевидно, такое же извещение получила и его жена. Поэтому пишите наш запрос и в адрес Балашовского — он, видимо, объединенный — городского и районного

военкомата.

— А если копию письма, которое напишем в военкомат, направить и прокурору? Так мне кажется надежнее будет? — спросил Усольцев.

— Нет, не надежнее. Прочитав гриф: „копия прокурору”, военком обязательно позвонит ему, а тот и скажет: „Пустое это дело! Я проверял!” И дезориентирует тем самым военкома. И тот, не произведя проверки, может послать нам свою отписку. Не будем мешать, как говорят, кислое с пресным.

Через день или два Усольцев вновь побывал в больнице. Его уже там знали. Знали и к кому он приходит. Ни о чем не спрашивая его, дежурная медсестра подала ему халат и провела в палату, где лежал Шевченко.

— Как здоровье? — спросил Усольцев.

— Немного лучше, — ответил Шевченко, улыбнувшись помощнику прокурора, как старому знакомому, — вот только головные боли страшно мучают по ночам.

— Ну это со временем тоже пройдет, не отчаивайтесь, обязательно пройдет, — обнадежил его Усольцев, хоть в медицине ничего не понимал. Он поздоровался с больным за руку и уселся на краешек постели. Улыбнувшись Усольцев сказал:

— Нас интересует теперь, где вы раньше бывали? Какие города видели? Вспомните пожалуйста.

Загибая пальцы, Шевченко начал перечислять места, где ему пришлось побывать, занимаясь попрошайничеством. Мест оказалось так много, что пальцев не хватало и он попросил руку Усольцева, сперва одну, а потом и другую...

— А вы не помните, вам кто-нибудь встречался из знакомых?

Шевченко стал вспоминать и вдруг закричал:

— Да-а! В Краснодаре!..

— Что в Краснодаре?

— Знакомого встретил в Краснодаре... В трамвае...

Он подошел ко мне и сказал, что знает меня, что мы лежали в одном госпитале. Он спросил меня, почему я убежал из госпиталя. Я испугался, что он может заложить меня, ведь госпиталь нельзя было покидать, а я убежал.

— Никто ни за какое дезертирство вас судить не будет, — твердо сказал Усольцев, — я помощник прокурора и заявляю это со всей ответственностью.

Шевченко облегченно вздохнул.

— Теперь-то я это понимаю, но раньше почему-то не понимал.

— А фамилию знакомого, которого встретили в Краснодаре, помните?

— Я и знать не мог его фамилии.

— А в какой он одежде был? В военной?

— Нет, не в военной, но в форме. Может быть железнодорожник, а может — связист.

— Вы точно помните, что это было в Краснодаре?

— Точно.

— А где-нибудь еще встречались знакомые? Может у вас спутники были?

— Спутники, конечно, были. Но я никогда не знал их адресов или фамилий. Зачем?

Слушая все это, Усольцев невольно подумал:

„А ведь он разубеждает меня в моей первоначальной версии. Скорее всего он Зарудный, а не Шевченко. Поразительно!..”

Вернувшись в прокуратуру, Усольцев поднялся на второй этаж к прокурору. Прокурор выслушал Усольцева и даже хлопнул в ладоши:

— Мы должны во что бы то ни стало найти это краснодарского железнодорожника! Его показания поставили бы все на свои места.

Знаете что, товарищ Усольцев, собирайтесь-ка, батенька, в Краснодар. Все-таки не иголка в сене этот

знакомый нашего больного, а человек среди людей.

— Когда выезжать? — с готовностью спросил Усольцев. Дело Шевченко-Зарудного уже захватило его.

— Да хоть завтра.

17.

В Краснодаре Усольцева ждала приятная неожиданность. Его друг по университету Николай Ушаков, который как он считал, прокурорствует в Балашове, оказался в Краснодаре краевым прокурором.

Но об этом Усольцев узнал только после того, как устроился в гостинице. Он позвонил в краевую прокуратуру, чтобы доложить о себе. Долго не отвечали, наконец в трубке пискнула секретарша:

— Сейчас в отделах никого нет. Все у Ушакова на совещании.

Как показалось Усольцеву, фамилию Ушаков она произнесла с каким-то благоговением.

Пораженный догадкой Усольцев с минуту молчал. Хотелось верить, что его друг здесь, в Краснодаре...

— Позвоните пожалуйста попозже, — пропищала секретарша.

— У какого Ушакова совещание? — взволнованно спросил Усольцев.

— Как у какого? — пищала трубка, — у нашего нового прокурора.

— А как его имя-отчество?

— Николай Прокофьевич! А что?

— Бог мой! — закричал Усольцев, — Колька Ушаков краевой прокурор! — Он задыхался от радости, представляя встречу со старым другом.

— Девушка! — закричал он, — если у него сейчас совещание и поговорить с ним нельзя, тогда, пожалуйста, напишите ему записку и передайте... Положите прямо ему на стол. Да так, чтобы он непременно увидел вашу записку... Напишите следующее: „Ваш друг Усольцев в гостинице “Краснодар”, номер 232”. И все! Ничего больше не пишите. Это все!

Положив трубку, он возмущенно походил взад-вперед по номеру, зачем-то вышел в коридор, но сразу же вернулся к себе и снова набрал номер прокуратуры:

— Девушка, это вы? Это я, Усольцев. Только прямо на стол положите записку! Понимаете, на стол! Чтобы перед носом! Понимаете!

— Понимаю, понимаю, очень хорошо понимаю, — ответила секретарша.

Звонок в гостиницу раздался минут через пятнадцать.

— Усольцев? — послышался из трубки знакомый голос, вопрошающий и радостный.

— Я Усольцев! Я, я! Это ты Николай? Ну и ну! Ты уже краевой? Здорово-то как? А! Занесло же тебя на такую верхотуру!

В голосе Ушакова тоже чувствовалась радость, но он давно уже научился сдерживать себя.

— Ты что же, дружище, приехал и глаз не кажешь? — спросил он.

— Да я только что...

— По делам?

— Ну конечно!

— Тогда заходи, сейчас же заходи. В любых делах помогу. Если, конечно, в моих силах. Кладу трубку, поговорим у меня в кабинете.

Вскоре Усольцев и Ушаков уже обнимались:

— Старик!

— Старикан!

— Вот Бог послал кусочек сыра! — кричал Ушаков.

— А ты вот в это кресло взгромоздись,.. — кричал Усольцев.

— Да вот.. поощрили, продвинули... Ну, а ты как? Нужда в нас, молодых, теперь появилась!

— Да вот все помощником у городского.

— Но ты же был отличником! Учился куда там! Лучше многих и, конечно, лучше меня!

— Вот так у нас и бывает: в учебе отличник, передовой, а в жизни — на задворках.

— Ты что же, из недовольных?

— Почему? Доволен! Все мы довольны.

— Тогда не говори: бывает. Говори: было!

— Да вот и было, и бывает.

— Ну хорошо, хорошо, рассказывай с чем приехал.

Усольцев рассказал Ушакову о цели своего приезда. Ушаков слушал и выражение его лица становилось все более недоумевающим.

— Думаю, что наковыряете вы г... с этим делом и себя же обложите им.

— Это почему же?

— Видишь ли, дружище, судебный процесс — не только решение какого-то дела, но еще и демонстрация, да еще какая! Во, какой силы, — он высоко поднял правую руку, показывая какой силы демонстрация. — И тут нашему брату, прокурору, надо отчетливо уяснить какие цели общественного порядка мы преследуем, организуя тот или иной значительный процесс. То, что вы организуете, только с виду кажется неполитическим. На самом деле в нем сильная политическая закваска. Я бы даже сказал нехорошая политическая закваска. Если мысленно очертить круг, замкнув

в него только заинтересованных лиц, то есть этого инвалида, его двух матерей и жену, то это будет в масштабе государства маленькое гражданское дело. Но если разорвать этот круг, а разрывать его придется, от этого никуда не деться, и взглянуть в корень, то в корне его будет лежать наша государственная политика в Афганистане. Не будем играть в кошки-мышки, дела там у нас неважные, то, зачем пошли, не получили и не получим. Стоит ли шуметь о делах наших на таком форуме, как судебный процесс?

Впрочем, я не знаю положения дел в вашем городе. Может, гласность и перестройка у вас зашли так далеко, что стал возможным такой процесс? Но я так не думаю. У нас, например, такой процесс никогда не будет возможным. Дело это, конечно, решить надо, но.., не прибегая к суду.

Это было ясно и Усольцеву.

18.

Ушаков лично позвонил транспортному прокурору, чтобы он оказал всяческую помощь Усольцеву. И, когда секретарь транспортной прокуратуры доложила своему шефу о прибытии Усольцева, прокурор выйдя ему навстречу, схватил руку Усольцева обеими руками и долго тряс, заглядывая Усольцеву в глаза.

— Рад, рад! Очень рад!

Он тут же позвонил во все отделы кадров железнодорожного узла и распорядился, чтобы начальники отделов лично участвовали в проверке нужных Усольцеву документов и помогли найти нужное лицо. Он именно так выразился: „лицо”. Однако найти „лицо” о казалось

не так-то просто, хотя почти все железнодорожники имели бронь от призыва в армию и тем более от отправки в Афганистан. В депо, например, среди почти тысячи рабочих оказалось, что в армии служили только двое. Да и те видом не видывали Афганистана и... Сергея Зарудного...

На Дарницком вагоно-ремонтном заводе (ДРВЗ) оказалось двое бывших „афганцев”, но ни один из них не был ранен или контужен, а, следовательно, не бывал в госпитале, значит и не мог встретить раненого Зарудного.

Во всех отделах и отделениях узла на учете оказалось не более трех десятков „афганцев”, но никто из них не воевал с Сергеем Зарудным и не находился на излечении в одном с ним госпитале.

Усольцев пересмотрел несколько тысяч личных дел, но отобрал для беседы лишь немногим больше двух десятков человек. Много времени было потрачено на изучение архивов и личных дел.

Через четыре дня Усольцев покидал станцию Краснодар-2 разочарованным. Однако несмотря на все это, ему не хотелось верить, что инвалид сказал ему неправду. Уж очень искренне и доверительно разговаривал он тогда с Усольцевым...

Но как бы там ни было, а поиски не давали результатов и, встретившись еще раз с Ушаковым, он поведал ему о своих неудачах:

— Хочется, очень хочется помочь этому парню, а вот ничего не получается...

— Голова ты садовая! — усмехнулся Ушаков, — ведь ты искал нужного человека среди ныне работающих, а твой ненормальный был в Краснодаре пять лет назад. За это время сколько в Кубани воды утекло! Море! Кто-то мог уволиться с транспорта, кто-то перевелся с одного места на другое. А ну-ка копни архивы за пять лет! Там же, где ты уже побывал и ничего не нашел.

Усольцев щелкнул себя пальцами по лбу и обрадованно воскликнул:

— Эврика, Николай! Ты гениален! Не даром тебя, старина, краевым назначили! А я идиот, дурак, скотина, осел, эфиоп, турок!

Предстояло просмотреть дела, которые уже покрылись изрядным слоем пыли. Задача не из легких. На другой день с раннего утра Усольцев был в отделе кадров главного вокзала, и начальник отдела выложил ему гору папок, складывая их прямо на полу в шесть рядов стопками высотой чуть ли не до потолка. Долго просматривал их Усольцев, пока наконец в руках его оказалось личное дело некоего Сахронычева, который воевал в Афганистане, был ранен, лежал в госпитале, вылечился и в часть больше не вернулся, а приехал в свой родной Краснодар и устроился на работу помощником дежурного по станции.

— А где он сейчас работает! — спросил Усольцев кадровика.

— Я на этой должности менее трех лет, — ответил тот, — а Сахронычев уволился от нас три года назад, месяца за три до моего прихода сюда. Я его вообще не знаю.

— А кто может его знать? — спросил Усольцев, листая дело Сахронычева.

— Кто знает? — переспросил кадровик. — Тут надо мозгой шевельнуть.

„Шевельнув мозгой” он позвонил дежурному по станции. К счастью им оказался тот самый, у которого Сахронычев работал помощником. Однако, он не знал где Сахронычев работает сейчас. Знал только, что он уехал из Краснодара.

Но Усольцев был на седьмом небе.

— Личное дело — это все, — думал он. — По личному делу я его и под землей найду!

Что Сахронычев был именно тем человеком, кото-

рого Усольцев искал, не было сомнений. Ведь он был единственный подходящий человек из двух с половиной тысяч, с личными делами которых Усольцев ознакомился.

— Даже по теории вероятности это он, — торжествовал Усольцев, торопливо вновь и вновь листая дело Сахроничева.

Кадровик тоже был доволен, что помог человеку из прокуратуры.

Однако торжествовал Усольцев рано. Из адресного стола, куда он позвонил, ему ответили, что разыскиваемый им гражданин Сахроничев, значится выбывшим из города. То же ответили и из объединенного военного комиссариата.

— Придется просить Ушакова посодействовать, — решил Усольцев.

Телефон краевой прокуратуры долго не отвечал. Наконец в трубке послышался знакомый писк:

— В крайкоме партии заседает бюро и краевой прокурор там. Сколько он там пробудет? Обычно они там заседают очень долго.

Секретарша позвала к телефону заместителя прокурора. Тот знал, что Усольцев старый друг шефа. Он пообещал помочь разыскать Сахроничева.

В гостинице Усольцев прилег, чтобы немного отдохнуть, но мгновенно крепко уснул. Разбудил его громкий и настойчивый телефонный звонок.

— Нашелся ваш Сахроничев, — сообщил ему заместитель прокурора, — работает дежурным по станции Темрюк. Когда поедете?

— Немедленно!

— Хорошо. Берите мою машину и поезжайте, а я позвоню тамошнему прокурору, чтобы к вашему приезду обеспечили явку Сахроничева в прокуратуру. Желаю успеха!

„Тамань — самый скверный городишко из всех

приморских городов России”, — писал некогда Лермонтов. Увы, он не видел Темрюка.

Стоял жаркий полдень, когда Усольцев прибыл в Темрюк. Грязный городишко был совсем пуст, на улицах ни души. Зато всюду в большом количестве мухи. Они так плотно облепили стены и окна домов, что все превратилось в один грязно-серый цвет.

Даже в кабинете прокурора жужжали мухи.

Прокурор встретил Усольцева с мухобойкой в руке.

Улыбнувшись, Усольцев сказал: „Он в той деревне поселился...”

— Что? Что? — проговорил прокурор, размахивая мухобойкой. По тону его голоса и по выражению лица можно было понять, что он глуховат.

— Пушкина вспомнил, — громко ответил ему Усольцев. Есть у Пушкина такие строки:

...лет сорок с ключницей бранился,

В окно смотрел, да мух давил.

— Да, — согласился прокурор, — мух давлю.

— Ну а где Сахроньчев? — спросил Усольцев.

— Что? Что?

— Сахроньчев где, спрашиваю?

— Ах да! Сахроньчев? Он пожалует в час с половиной.

Усольцев удивился такому построению фраз: „в час с половиною”, „пожалует”. Потом, когда в ожидании Сахроньчева Усольцев разговорился с прокурором, то понял, что он старательно избегал произносить слова, в которых встречается буква „р”. Вместо „рынок”, он говорил „толкучка”, вместо „зарплата” — „получка”. Себя он называл не прокурором, а человеком закона.

Сахроньчев действительно „пожаловал в час с половиною”. Это был плечистый мужик с необыкновенно большой головой и, несмотря на молодость, лысый.

Когда он пришел, прокурор поднялся и сказал, что он еще не обедал и пойдет домой.

— Вас оставлю, пожалуй, на часик, не больше, — сказал он и, прихватив с собой мухобойку, заторопился к выходу.

— Ну, я знаю, о чем вы, товарищ следователь, будете меня спрашивать, — сказал Сахроньчев, присаживаясь за стол напротив Усольцева.

— О чем? — улыбнулся Усольцев. Он был доволен тем, что перед ним, наконец, сидит человек, ради которого он приехал сюда, поиски которого были так трудны, и потому улыбнулся добродушно, от всей души. В ответ и Сахроньчев прямо-таки расплылся в улыбке широкой и открытой.

„Такой человек, — подумал Усольцев, глядя на улыбающегося Сахроньчева, — будет говорить только чистую правду”.

— Будете спрашивать меня о старшем сержанте Сергее Зарудном, — сказал Сахроньчев просто и достоверно.

— Угадали, — ответил Усольцев, — хорошо, если бы вы рассказали о нем как можно подробнее.

— Находясь в Афганистане, — начал свой рассказ Сахроньчев, — я участвовал в боях за высоту Безымянную, которую потом назвали по фамилии нашего командира — высотой Силуянова. В этих же боях участвовал и Сергей. Но я тогда его не знал. Батальон наш нес большие потери, все время пополнялся, много было новых лиц, и вы понимаете, что всех запомнить просто невозможно. Кроме того я был пехотинец. Зарудный — танкист, а танки входили в другое подразделение и нам только временно придавались.

— Я в том бою был ранен, подобран вертолетчиками и попал в госпиталь. Сперва, разумеется, в эвако, а потом уже в стационарный. Стационарный госпиталь располагался в лесу. В каком сказать не могу, да это

и не имеет никакого отношения к делу.

Зарудный дольше меня пробыл в эвакогоспитале и, когда его привезли в наш стационарный, я уже поправился. Его положили в нашу палату. Был он в очень тяжелом состоянии. А в том госпитале был такой порядок, что новых тяжелобольных клали к выздоравливающим, чтобы выздоравливающие могли помогать тяжелобольным. Дух поддерживать надо было, и обслуге экономия, конечно.

В палате, кроме меня и Сергея, было еще четверо. С двумя я переписываюсь до сих пор, правда редко, но все же переписываюсь. И, если вам надо для следствия, то я могу дать их адреса...

Сергей долго находился в тяжелом состоянии. Он то и дело впадал в безпамятство, а придя в сознание, залезал то под свою, то под наши кровати, а то прятался в шкафу. И все что-то кричал. Нам часто приходилось удерживать его, когда он пытался сигануть в окно. По званию он был старшим сержантом и, как рассказывали его товарищи из танкового взвода, контузию получил когда его танк подорвался на mine. Он успел выскочить из танка и потому на нем не было ожогов. Зато сразу попал под пули бандитов. В марте восьмидесяти второго года он убежал из госпиталя. Как и почему не знаю, а догадки высказывать не хочу. И вот четыре года назад я встретил его в Краснодаре, около трамвайной остановки, напротив вокзала. Он был одет как нищий и видно было, что он не совсем нормален: одной рукой обнимал электрический столб, другую же отставлял в сторону как крыло и крутился вокруг столба. Что-то кричал невнятно, дико.

— Сережа, — окликнул я его, — здравствуй!

Он перестал крутиться вокруг столба, опустил руку — сначала одну, потом другую, — посмотрел на меня затуманенным взглядом.

— Сережа, здравствуй, — повторил я.

— Ну, здравствуй, — сказал он. Но как сказал! Если бы я не знал, что он должен сказать, ни за что не понял бы его. Мне показалось, что раньше, в госпитале, он говорил членораздельней.

— Ты что, не помнишь меня? — спросил я, — мы вместе с тобой в госпитале лежали, в одной палате. Неужели не помнишь?

— Ну помню, — сказал он равнодушно, словно самому себе о чем-то совсем незначительном. Потом на лице его и в глазах появилось выражение страха. Он стал пятиться от меня, а я опять ему:

— Ты же Сергей Зарудный! Я тебя знаю!

— Ну Зарудный, ну Сергей! — отвечал он, все быстрее пятясь от меня. Зацепился за что-то на тротуаре и чуть не упал. Потом стал смотреть себе под ноги, зло блеснул глазами и завыл:

— У-у-у-у!

И бежать от меня прямо в толпу. Дело было около вокзала и как раз два поезда с разных концов пришли, народом вся площадь была запружена.

Я не погнался за ним, да и зачем? Чем мог помочь я ему, если бы и догнал? Да и на нормального человека он не очень походил.

Порывшись в портфеле, Усольцев достал три фотографии разных лиц и положил их перед Сахроньчевым.

— Кто из них Зарудный?

— Этот, — сказал Сахроньчев уверенно. И взял фотографию, чтобы получше разглядеть.

Усольцев подробно рассказал Сахроньчеву в каких условиях живет бывший афганский солдат и о том, как Зарудный стал Шевченко.

— Теперь понятно, — вздохнув, сказал Сахроньчев. — А то так много говорят о помощи нам, бывшим афганцам, и тут такое.... Даже поверить трудно. Надо выручать солдата, товарищ следователь, вырвать его из лап этой суки!

— Вы своими показаниями поможете нам, — сказал Усольцев, — поможете и прокуратуре, и суду разобратся. А главное, поможете Сергею Зарудному.

Усольцев поблагодарил Сахроньчева за правдивые и нужные следствию показания, извинился за беспокойство и добавил:

— Могут предстоять для вас новые беспокойства. Поездка в наш город на суд. Дорога, проживание и все другие расходы будут вам оплачены.

Помолчав, он спросил:

— Обиды не будет?

— С удовольствием сделаю это доброе дело. С еще большим удовольствием повидеюсь с Сергеем. Быть может я помогу ему кое-что вспомнить.

— Вполне возможно, — сказал Усольцев.

Он был в прекрасном расположении духа и, прощаясь с Сахроньчевым, сказал совсем уже по-дружески:

И чего только эта война не наделала? Как по-вашему, кому нужен был этот Афганистан?

— Кому-то, значит, нужен был. Кому-то, но не нашему брату, солдату.

После обеденного перерыва, когда прокурор вернулся в свой кабинет, Усольцев спросил его:

— Можно от вас позвонить в нашу прокуратуру? Я хотел бы поговорить со своим шефом.

— Пожалуйста, пожалуйста, — с готовностью согласился прокурор и сам принялся вызывать город К.

Усольцев подробно рассказал своему начальнику о встрече и беседе с Сахроньчевым.

— А как вы оказались в Темрюке? — спросил прокурор.

— Дело в том, что сюда переехал жить Сахроньчев.

— Хорошо! Очень даже хорошо! — похвалил прокурор Усольцева, — а я вчера получил письмо от Бала-

шовского военкома о том, что Анну Зарудную в свое время вызывали в военкомат и вручили извещение о гибели мужа. Просили не рассказывать об этом посторонним. Вот она и молчала. Времена-то были брежневские, застойные.

— Это от какой Анны Зарудной? — спросил Усольцев.

— От той, которую в своем первом запросе мы называли Галиной Бучкиной. А сегодня пришло письмо и от самой Анны, она собирается приехать на суд вместе со своим восьмилетним сыном Сергеем — Сережей Зарудным. Прислала фотографию сына. Ребенок удивительно похож на Сергея Шевченко, то есть Зарудного.

— Выходит теперь есть на свете Сергей Зарудный и Сережа Зарудный, — сказал Усольцев.

— Выходит. Вызвал я Зарудную, показал ей фото внука, она чуть в обморок не упала, чуть ума не лишилась от радости. Скуп я на слезу, а тут прослезился, глядя на нее.

— А что же Шевченко теперь на это?

— Объясняет сходством, похожестью Сергея Зарудного на Сергея Шевченко. Таже говорят и свидетели ее, и мать Шевченко.

— Привлечь их надо!

— Не будем торопиться.

20.

Через два дня Усольцев вернулся в свой город. В прокуратуру пришел рано утром. Раньше времени пришел и прокурор. Оба спешили встретиться, поговорить.

— Как вы находите, — спросил прокурор Усольцева,

— Сахронычев говорил правду?

— У меня нет сомнения, — ответил Усольцев, — такие, как Сахронычев на мой взгляд, не способны лгать... Можно закурить?

— Курите, курите, — разрешил прокурор.

Закурив, Усольцев продолжал:

— Более того, Сахронычев дал мне адреса еще четырех афганцев, которые в разное время лежали в той же палате, где находился Зарудный, и с которыми он изредка переписывался. Но все уже настолько ясно, что вряд ли необходимо ехать к этим товарищам и вызывать их в суд.

— Ехать, конечно, к ним не обязательно, — сказал прокурор, — их могут опросить работники прокуратуры по месту жительства, а вот вызывать их на суд обязательно надо... Вы, конечно, правы, все уже ясно. Но ясно ли другим? Надо действовать с запасом прочности. Я организовал экспертизу в присутствии заведующего собесом с помощью педагога, врача, лингвиста, военных. Вот заключение:

„Шевченко-Зарудный разбирается в воинском уставе, в устройстве танка и его действиях, обладает знаниями по арифметике, алгебре, литературе и ограничено в афганском языке (знает несколько слов по-афгански). Некоторые звуки русского языка произносит по-украински с кубанским диалектом”.

Это же здорово! — воскликнул Усольцев, — что же на это скажут Шевченки?

— Наверное уже ничего не скажут.

— Конечно, — продолжал прокурор, — у наших противников огромный козырь: извещение о гибели Зарудного в Афганистане. Объяснить ошибочность такого извещения — дело довольно щекотливое, но дальше...

Сделав паузу, прокурор потер ладонь о ладонь и продолжал:

— Ему принесли гитару, на которой он играл еще до ухода в армию и которая сохранилась у его матери. Он узнал гитару, но долго не хотел брать ее в руки. Его грызли какие-то сомнения, мучили воспоминания. Но потом все же взял и забренчал довольно известный мотив: „Взяв бы я бандуру, та й сыграв ще знав...”

Сразу же после того, как он сыграл это, экспертиза вызвала Зарудную и попросили ее вспомнить, какие песни ее сын певал под гитару и какая из них была его любимой. Она ответила, что любимой его мелодией была именно эта: „Взяв бы я бандуру...”

Отдавать гитару Сергей не захотел и положил ее рядом с собой у стены.

— Да, вот такие дела, — многозначительно заключил прокурор. Он порылся в лежащей перед ним папке и достал из нее какую-то бумагу.

— Это ответ из госпитального архива, — сказал он, — весьма неутешительный.

Он стал читать:

„На ваш запрос отвечаем, что Зарудный Сергей Вячеславович, рождения 1960 года, уроженец города Пятигорска, Ставропольского края, имеющий образование 10 классов, выше среднего роста, телосложения нормального, имеет особые приметы: родинка на темени.

Значится в числе погибших в Афганистане”.

— Ничего неутешительного. Сообщают то, что мы давно знаем. Вот только родинка на темени... Как мог я подписать документ, удостоверяющий, что Сергей Зарудный есть Сергей Шевченко? Мне просто стыдно теперь перед вами... Ну что ж! Кажется сделано все возможное. Пусть Зарудная подает в суд.

— А почему Зарудная? — возразил прокурор. Заявление в суд направит прокуратура от имени Зарудной и одновременно от имени прокурора. Пишите заключение.

В день суда, рано утром, прокурору позвонили из комитета государственной безопасности.

— Надо остановить разбирательство дела Сергея Шевченко.

— Почему? И кто персонально говорит со мной?

— Говорит полковник Стефановский. А почему надо прекратить разбирательство, я думаю, что вам, как прокурору, надо знать. Если же паче чаяния не знаете, то милости прошу ко мне в кабинет. Подробно разьясню. — И Стефановский оборвал разговор.

„Что это? Щелчок по носу? — подумал прокурор. — И как можно остановить процесс, когда он через час, два должен начаться? Практически это почти невозможно.“

Он решил выяснить на каком основании Стефановский это требует. Набрав номер телефона комитета, он попросил, чтобы его соединили с полковником.

— Полковник Стефановский?

— Да... Слушаю.

— Это прокурор говорит. Во время нашего короткого разговора, я не успел спросить вас — подумали ли вы о том, что речь идет о самом ценном капитале — человеке?

— Дорогой Федор Ильич!.. Так кажется ваше имя-отчество?

— Так.

— Дорогой Федор Ильич! — проговорил Стефановский, — вы спрашиваете подумал ли я о самом ценном капитале, о человеке? Я подумал об этом, дорогой Федор Ильич. Что такое человек? Какова его ценность? Один американский химик сделал приблизительный подсчет стоимости всего материала, входящего в состав человеческого тела и нашел (слово НАШЕЛ Стефанов-

ский произнес повышенным тоном и повторил дважды), — и нашел, что цена всего материала, заложенного в человека, равна восьми долларам. Это все!

— А интеллект?

— У человека, в защиту которого вы собираетесь сутяжничать в суде, нет интеллекта! — и не дождавшись ответа Стефановский положил трубку.

Прокурор схватился за голову:

— Восемь долларов! Дешево же ценит Стефановский человека, — он встал и нервно заходил по кабинету. Затем набрал номер первого секретаря горкома. Доложил ему о звонке из органов. Не утаил и то, что сказал Стефановский о ценности человека.

— Изложите суть дела, которое вы собираетесь разбирать в суде, — сказал секретарь горкома.

Прокурор вкратце рассказал.

Подумав, секретарь спросил:

— Суд, говорите, назначен на сегодня?

— Да, на одиннадцать утра.

Секретарь тяжело вздохнул.

— Жаль, что суд назначен на сегодня и даже на утро, — сказал он, — я понимаю Стефановского и совсем не понимаю вас, товарищ прокурор. Стефановский прав в своем определении: суд — это демонстрация. Но весь вопрос в том, против кого и за кого будет эта демонстрация? Тут, дорогой товарищ прокурор, дело скользкое, оно, хотя и косвенно, но касается политики нашей партии и нашего правительства в Афганистане. Как вы могли решиться на такое дело? У вас притупилась партийная бдительность. Да!..

Вот что, — продолжал секретарь горкома, — суд, как я понял, начнется через час и зал наверное уже набит до отказа, все ждут начала суда, и ждут, как я понимаю, напряженно, процесс-то необычный... И вдруг мы отменяем суд! Это тоже демонстрация и отнюдь не в нашу пользу! Так что пусть все идет своим чередом.

Отменять суд не надо. Что же касается вас, инициатора этого процесса, то прошу немедленно приехать в горком. Одновременно я постараюсь вызвать и Стефановского. Поговорим в узком кругу. Обсудим, что предпринять, чтобы выйти сухими из этой грязной воды...

— Но я хотел бы, товарищ секретарь, — перебил прокурор, — присутствовать на суде.

— Вы что выступаете там?

— Нет. Выступает мой помощник.

— Тогда в чем же дело? Товарищ прокурор! Вы хоть понимаете, что наделали? Ведь это же пощечина всей нашей партии! Ну, я жду вас, не позже, чем через двадцать минут.

22.

Начало судебного заседания задерживалось. Опоздал представитель прокуратуры Усольцев, который хотел дожидаться возвращения из горкома прокурора и только потом ехать в суд. Он сидел в своем маленьком кабинетике и неотрывно глядел на телефон, готовый моментально поднять трубку... Потом ему пришло в голову, что прокурор может позвонить из горкома прямо в суд и отменить уже подготовленный судебный процесс. И Усольцев позвонил в суд. Ответила секретарша:

— Товарищ Усольцев? Это вы? Вы задерживаете начало суда. Срочно приезжайте!

Усольцев вошел в зал заседания почти бегом, быстро прошел к своему месту — напротив защитника Шевченко, кивнув тому головой. Защитника Шевченко не занимали. Он был выделен коллегией адвокатов. Если есть прокурор-обвинитель, то само собой разумеется,

должен быть и защитник.

Но прокурор на этот раз не был обвинителем. Он был соистец. И потому, если противная сторона не захотела нанимать защитника, то суд вполне мог бы проходить и без него. Однако процесс предстоял настолько интересный и необычный, что коллегия не могла не выделить на него и своего представителя.

Как только Усольцев занял свое место, вышла секретарша суда и, обратившись к залу, крикнула заученным голосом:

— Встать! Суд идет!

Вслед за секретаршей вышел на помост судья. Он торопливо прошел к своему месту. Надо было наверстать упущенное время. Необычен был состав суда. Его словно специально подобрали для этого процесса. Заседателями были: полковник-танкист с довольно выпуклой, почти полукруглой грудью, правую сторону которой от верха до низа занимали пестрые орденские колодки, чем-то напоминавшие разноцветные клавиши аккордеона и учительница, грудь которой украшали золотая звезда героя и высший орден страны.

После нудных, но необходимых в начале судебного процесса церемоний, судья предоставил слово Усольцеву для изложения существа предъявленного иска.

Когда Усольцев встал, то не только близсидящие, но и находящиеся в середине зала, заметили необыкновенную бледность его лица. Он думал о прокуроре, о себе, вспоминал слова Ушакова.. Им было подготовлено обстоятельное с доказательствами выступление. Теперь его надо как-то сократить, обойти острые углы. И вот, во время выступления, Усольцеву надо было решить, что сказать из подготовленного и что опустить. Сделать это надо как бы экспромтом, без подготовки, а это всегда чревато ошибками. Но когда Усольцев думал как сократить свой доклад, он вдруг вспомнил слова прокурора по поводу запроса в воен-

ный архив. Прокурор сказал тогда: „Пойдем ва-банк”.

Тогда Усольцеву были невдомек эти его слова. Он еще не знал о разговоре прокурора с начальником милиции. И теперь в голове его молнией мелькнула мысль: „Знал прокурор, знал то, о чем предупреждал Ушаков! Знал, но решил идти ва-банк”.

И когда Усольцев начал свою речь, то, вспоминая все это, решил не опускать ничего.

— Проверкой установлено, — начал он, — что Зарудный Сергей Вячеславович, рождения 1960 года, был мобилизован в Советскую армию в 1979 году, а в 1980 году направлен в Афганистан в составе ограниченного контингента войск. Наши войска должны были выполнять в этой стране интернациональный долг. В сложных условиях боя за высоту Безымянную, которая впоследствии была названа именем командира подразделения штурмовавшего эту высоту Силуянова, Зарудный был контужен и тяжело ранен. Товарищи по оружию сочли его мертвым. Они видели как он упал. Они видели также, что он лежал без движения. Подобравшие его санитары почему-то не установили, кто он. О смерти храброго воина были посланы извещения его матери Зарудной Алле Петровне и жене, урожденной Бучкиной Анне Алексеевне.

Но, как оказалось впоследствии, Зарудный убит не был. Его доставили в госпиталь в тяжелом состоянии. Он был тяжело контужен и метался в состоянии болезненной агонии...

Усольцев замолчал и потянулся к графину с водой. В зале стояла мертвая тишина. Было слышно, как забулькала вода в графине.

Усольцев продолжал:

— Однажды, когда Зарудный уже начал передвигаться, но не был способен еще ориентироваться, он ушел из госпиталя, заблудился в лесу и в госпиталь не вернулся. Оказавшись на неизвестной железно-дорожной

станции, он сел в первый же попавший поезд и уехал в неизвестном направлении. Длительное время он пересаживался с поезда на поезд, жил подажаниями и однажды был снят с поезда как безбилетник.

На вокзале работник милиции спросил у Зарудного документы, но у него их не оказалось. Женщина, находившаяся рядом, сказала милиционеру, что документы инвалида находятся у нее дома и увела Зарудного с собой, чтобы вручить ему документы на имя Сергея Шевченко...

После выступления Усольцева слово было предоставлено Сергею Зарудному. Говорить ему было трудно:

— Вы.., — произнес он, обращаясь к Зарудной, и больше ничего не смог сказать. Лицо исказила боль. Он было сел, но тут же собрался с силами и встал.

— Вы.., — снова сказал он и опять замолчал, неотрывно глядя на Зарудную. — Вы.. разыскиваете... сына... Зарудного, танкиста, на которого вам пришло извещение, что он погиб в Афганистане?

— Да, родной, — через силу ответила Зарудная. Ответила тихо, почти шепотом, но и судьи, и все в зале слышали ее. Она крепко сжала свои маленькие кулачки и, подняв их, прижала к губам, закрывая ими рот. Так она сдерживала себя от рыданий.

Глаза Сергея широко открылись и он еще раз повторил:

— ... погиб в Афганистане!..

— Разыскиваю.., — трудно, с придыханием произнесла Зарудная, не спуская с него глаз, — давно разыскиваю тебя, родной ты мой...

Они смотрели друг на друга, не чувствуя как по их лицам бегут слезы.

Зарудная достала из рукава носовой платок, вытерла лицо.

— Вы.., — тихо сказал он и снова запнулся.

И вдруг, неожиданно для самого себя, Сергей закричал:

— Вы искали меня и нашли, вот он, я, перед тобой! Не убит я! Живой!

Мать и сын забыли, что они в суде. Зарудная бросилась к сыну, а он, склонившись над ней, стал целовать ее в седину волос. И не было в этот миг на свете счастливее людей!

По залу пронесился то усиливающийся, то замирающий шепот. Кто-то хлопнул в ладоши, и вдруг зал разразился аплодисментами. Люди то вставали, то садились.

Судья поднял обе руки:

— Прошу, граждане! Прошу тишины, граждане!

Когда зал немного успокоился, он обратился к матери и сыну:

— От вас я требую занять свои места и дать возможность суду продолжить рассмотрение дела!

Но призывая к тишине и спокойствию других, судья волновался сам.

Когда тишина наконец наступила Сергею было предложено чистосердечно рассказать все, что он помнил.

Он сказал, что теперь точно знает, что он Зарудный Сергей Вячеславович. Что до Афганской войны больше года служил в танковой десятой десантной дивизии, которая была расквартирована близ города Балашова Саратовской области. Когда начались события в Афганистане дивизию по воздушному мосту перебросили в эту страну, где она принимала участие в боях близ высоты Безымянной, которую впоследствии назвали высотой Силуянова. Танк его был подбит и сгорел. Но экипажу удалось выбраться благополучно. Ему было приказано присоединиться к батальону, которым командовал Силуянов. Самого Силуянова затем отправили в Москву, учиться в военной академии. Но тогда о Си-

люянове он не знал ничего. Он услышал о нем позже, но сразу же забыл, а вот теперь вспомнил. Он хорошо помнит как ушел из госпиталя, но не может вспомнить как попал в него. Не помнит он и как оказался на станции.

— Знаю только, — сказал он, — что я сел в поезд, чтобы ехать к ней...

При этих словах он указал рукой и кивком головы в сторону Зарудной...

— Родной ты мой!.. Он ехал ко мне... ко мне! — пролепетала Зарудная.

Он взглянул на мать и увидел, что лицо ее сияет и глаза лучатся светом как это бывает на иконах. Он хотел что-то сказать ей, но судья не дал ему это сделать и предложил продолжить.

Затем Сергей рассказал, что во время скитаний временами его слух улучшался, но понимал он не все. В один момент он вдруг осознал, что он калека, а почему — не знал. Ему стали говорить, что он калека с детства, и он верил этому. Во время скитаний однажды он подумал о документах. Стал рыться в карманах и ничего не нашел. Это повергло его в смятение.

Еще в большее смятение повергло его то, что он оказался в милиции. Он хорошо помнит, что увела его из милиции незнакомая женщина. Когда он оказался в доме у этой женщины, то принял за непреложную истину, что он ее муж. Первые слова в ее доме он очень хорошо услышал и помнит сейчас. Женщина тогда сказала.

— Муженек, иди кушать.

Женщина, которую он стал считать своей женой, заставляла его собирать подаяния. Сама она тоже притворялась инвалидом и ходила или садилась рядом с ним. Но ей всегда подавали меньше, чем ему...

— Женой же мне, — твердо сказал он, — она никогда не была. У нее есть другие. А у меня есть законная

жена, она осталась в Балашове, но он не знает живет ли она там сейчас. Мы поженились, когда я служил там. Фамилия ее до замужества была Бучкина. Мы расписались, и она взяла мою фамилию. Она часто говорила мне:

— Какая у тебя красивая фамилия — Зарудный! Она теперь и моя фамилия!

Свои показания он закончил обращением к суду:

— Товарищи судьи! Сделайте меня самим собой, то есть Зарудным Сергеем Вячеславовичем.

После Сергея давала показания Зарудная.

— Сколько я обивала пороги наших учреждений, — начала она свое выступление, — лично обращалась в милицию, в прокуратуру, писала в газеты, в областные организации, в республиканские и, наконец, в Москву. Отовсюду слышала только грубые ответы. Совсем недавно, по распоряжению начальника горотдела милиции, товарища Орехова, — Господи, какой же он мне товарищ? — меня вызвали в паспортный стол. Начальник паспортного стола стал доказывать, что я не мать Сергея. Он кричал, грозил, что если я и дальше буду сутяжничать (он именно так выразился), то меня привлекут к уголовной ответственности и посадят в тюрьму. Он пояснил, что в уголовном кодексе есть статья, по которой меня могут привлечь. „У нас не любят бесконечных жалобщиков, — сказал он мне, — у нас социалистическая, самая справедливая власть и самая главная забота ее — это забота о людях и потому жалобщиков мы рассматриваем, как врагов нашего строя..” Вот так и ходила я во врагах за то, что боролась за сына. И вот только новый прокурор и его помощник поняли меня и утерли мои материнские слезы...

Она низко поклонилась в сторону Усольцева.

— Спасибо родной, спасибо вам и прокурору за внимание и чуткость. Великое материнское спасибо!

Зал шумел от возмущения, когда Зарудная рассказывала как грубо и жестоко обходился с ней начальник горотдела милиции и его подчиненные.

— Сволочь он! — крикнул кто-то из зала, — гнать таких представителей рабоче-крестьянской власти в три шеи надо!

Зал взорвался аплодисментами, когда она говорила теплые слова в адрес нового прокурора.

После показаний Зарудной в зал один за другим приглашались свидетели. Первым был вызван Сахроничев. Подойдя к Сергею, он громко, так чтобы его слова слышал весь зал, сказал:

— Здравствуй, Сережа! Друг и солдат!

Потом вошел на костылях офицер, искалеченный в Афганистане. Судья разрешил ему давать показания сидя.

— Смотрите, что из меня сделала проклятая афганская война!

Обращаясь к судьям, он сказал о Сергее:

— Да как же нам не узнать его? У нас, у афганских фронтовиков, на своих боевых товарищей и глаз, и память острая.

И показав на Сергея, утвердительно сказал:

— Вот он сидит искалеченный войной, как и я, наш боевой товарищ и друг — Сергей Зарудный! Да мы за него в огонь и в воду пойдем! И пусть не грозит его матери этот шелкопер начальник милиции, как его — Орехов, что ли? Нас дальше калечить уже некуда, а с ним мы можем поговорить по-фронтовому!

Потом вызвали еще одного бывшего афганца, потом еще и еще...

Во время показания одного из них, сидящая позади Зарудной женщина, вдруг заголосила:

— О, Гос-споди! Да что же они делают-то! Ведь у меня сын там, в Афганистане!

Мужчина, видимо муж, обнял ее, стал успокаивать.

Но тут раздался голос из середины зала:

— И у меня сын в Афганистане!

— И у меня! И у нас!

— А у нас в Венгрии погиб! У нас из Чехословакии не вернулся! А нашего из Вьетнама в гробу привезли!..

Женщина, сидящая позади Зарудной, поднялась, обернулась к залу, по лицу ее текли слезы. Заломив руки над головой, она запричитала, обращаясь к матерям таким же, как она:

— Детей наших губят!

К ней кинулись несколько человек. Кто они никто в зале не знал. Они подхватили женщину под руки, поволокли из зала. Мужу ее, пытавшемуся защитить жену, скрутили руки и тоже потащили.

Судья вызвал следующего свидетеля. Это была та девушка, которая вместе со своими друзьями-солдатами нашли Сергея под мостом. Когда она давала показания, в зале вновь произошло замешательство. На этот раз у самого входа. Там вдруг началось какое-то движение, шепот сразу же превратился в гул. Все сторонились, давая дорогу женщине с ребенком, которого она вела за руку.

— Пустите! Пропустите меня! — громко говорила женщина, — я жена Зарудного! А это сын его!

Она, как и обещала прокурору, приехала на суд из далекого Балашова, но прибыла с опозданием, к концу суда.

Остановившись у судейского помоста, она обратилась к суду:

— Можно мне поздороваться с мужем, которого я не видела, кажется, сто лет?

Судьи не успели ответить ей, как взорвалась толпа:

— Можно! Можно! — кричали сотни голосов в зале.

Это затягивало судебное разбирательство, но судья понимал, что не внять просьбе прибывшей нельзя.

Подойдя к Зарудному, Анна упала перед ним на

колени и проговорила:

— Прости меня, Сереженька, я считала тебя погибшим! — голос ее дрожал и прерывался. — Ведь извещение было, Сереженька!

— Вот это настоящая жена, а не та стерва, которая и на суд не явилась! — проговорил офицер-калека.

Продолжать дальше судебное разбирательство было невозможно. Зал шумел все сильнее. У людей на глазах стояли слезы, включая и судью, и заседателей. Судья объявил перерыв на десять минут.

Наконец, судебное разбирательство было закончено. Суд признал Шевченко С. В. и Зарудного С. В. — одним и тем же лицом. Ему было присвоено: Фамилия — Зарудный, имя — Сергей, отчество — Вячеславович.

Суд признал его сыном истицы Зарудной Аллы Петровны и, на основании предъявленному суду свидетельству о браке, — мужем Зарудной-Бучкиной Анны Алексеевны и отцом Зарудного Сергея Сергеевича.

Усольцев торжествовал. Но вдруг в самой середине зала, над головами присутствующих поднялось длинное белое полотнище, на котором зеленой краской было написано крупными буквами:

ВЕРНИТЕ НАШИХ СЫНОВ ИЗ ЗАГРАНИЦЫ!!!

В конце лозунга стояли три красно-красных восклицательных знака, под которыми художник мастерски нарисовал ручей человеческой крови.

Лозунг дрожал в руках матерей и ручей от этого, казалось, бурлил еще больше...

... Несколько человек из разных концов зала кинулись к матерям, развернувшем лозунг...

Вернувшись в прокуратуру, Усольцев рассказал прокурору о происшествии в зале суда. Выслушав его, прокурор сказал тихо:

— Это провокация Стефановского против меня. Нет, не лозунг, это-то теперь естественно, а то, что

были подготовлены эти молодчики в штатском. Силен еще Стефановский! Силен! Но народ сильнее.

— Это пятно на весь проведенный нами процесс, — удрученно сказал Усольцев, удивляясь спокойствию прокурора. Но прокурор ответил:

— Иногда то, что считается пятном, на деле оказывается чистым местом, а все остальное пятном. И он указал рукой на бумажку, лежащую на столе. Это была повестка, по которой он вызывался к Стефановскому.

Пятно было огромным.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уже после сдачи книги в набор, автору сообщили из СССР о дальнейшей судьбе героев книги.

Алла Петровна Зарудная скончалась от сердечного удара. Умерла она вскоре после суда в кабинете Стефановского, который допрашивал ее, как свидетеля, по делу прокурора Федора Ильича Ткачева и его заместителя Усольцева. Они обвинялись КГБ в организации суда, ставшем демонстрацией против войны в Афганистане.

Подписывая протокол допроса, Зарудная вдруг уронила голову на казенный бланк и многострадальное сердце ее остановилось.

Прокурор Федор Ильич Ткачев понижен в должности. Его заместитель Усольцев переведен на работу в милицию в непосредственное подчинение Орехова.

Хорошо сложилась судьба Сергея Зарудного, за которого самоотверженно боролись мать, прокурор и его заместитель. Он переехал в Балашов к жене и сыну. Работает мотористом на местном металлзаводе. Жена его, Галина Зарудная-Бучкина преподает литературу в вечерней школе для взрослых. Сереженька Зарудный завоевал в школе звание чемпиона своего класса по шахматам.

О дальнейшей судьбе Ксении Шевченко автору ничего не известно.

Alexander Chachulin

MAT' (Mother) - in Russian

Memo

17-88
From
GABRIEL VALK

To
Dopros A. Xaryukh!
Pozdravayto s vxoym
vremem.
Suzuro s 136 muz.
vosnak Zam seroyt
moper.
Byre poyt kobber
zanyayev.
Dpermeem f. Valk

EFFECT PUBLISHING INC.
Russian books printed outside the USSR
501 Fifth Ave. Suite 1612
New York, NY 10017
(212) 557-1321

Предлагаемая читателю книга, кроме издания за границей, внесена в план киевского издательства „Днепро”.

В 1987 году в издательстве „Ластивка” (Мельбурн — Австралия) была выпущена в свет моя повесть „Б. Антоненко-Давидович в когтях чекистов” о крупнейшем украинском писателе, произведения которого ныне издаются во многих странах мира.

Одной из героинь книги, взаимоотношения писателя с которой носили интимный характер, была Алла Петровна Зарудная, ставшая после освобождения и реабилитации матерью солдата „афганца”. Предлагаемая книга о ней и о ее сыне Сергее.

В повести ничего не выдуманно, так как судьба и жизнь Аллы Петровны значимее любой выдумки. Героям сохранены их подлинные имена.

Рукопись книги была прочитана и одобрена Аллой Петровной и ее братом Леонидом, который является моим представителем в издательстве „Днепро”.

Отзывы об этой книге прошу направлять автору по адресу:
Alexander Chachulin
Ravensburger Ring 48
8000 Munchen 48
West Germany